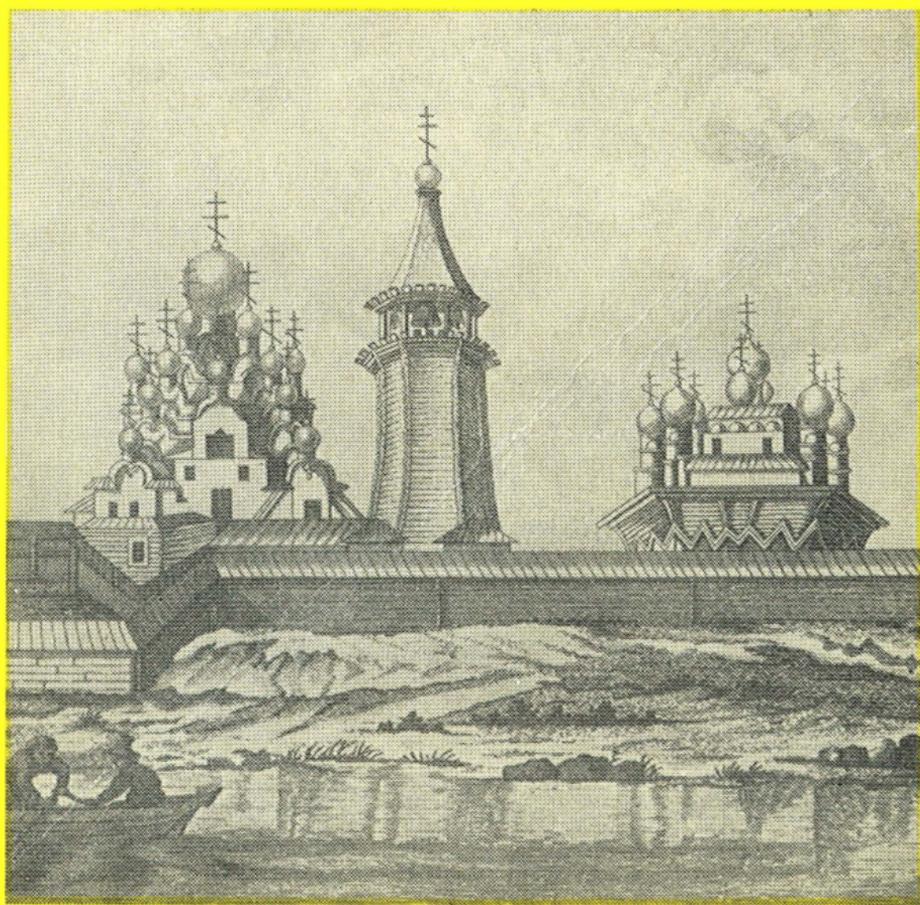
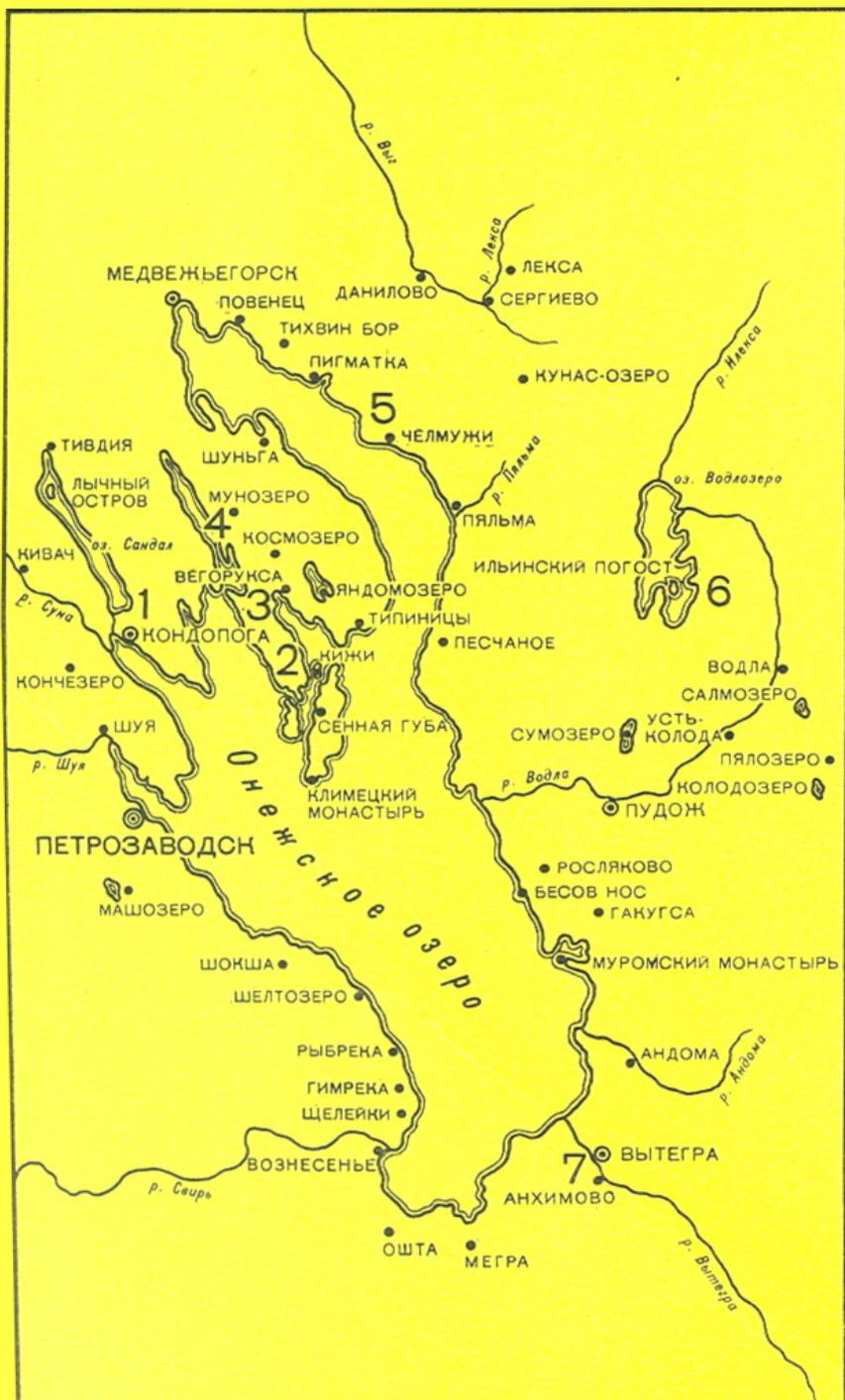

ПО БЕРЕГАМ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

1. Успенская церковь
в Кондопоге. 1774

2. Кижский погост

3. Никольская церковь
в Вёгоруксе.
XVII—XVIII вв.

4. Дом в Муозере.
XVIII—XIX вв.

5. Богоявленская церковь
в Чёлмужах. 1605

6. Ильинский погост
на Водлозере. 1798

7. Покровская церковь
в Анхимове. 1708

7 C
C-50

8-1-2
221-69

ПО БЕРЕГАМ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Э. С. СМЕРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИСКУССТВО“

ЛЕНИНГРАДСКОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ

1969

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
1. Петрозаводск	9
Краткая история города (9—11). Круглая площадь (11—13). Музеи (14—15).	
2. В Кондопогу и на Лычный Остров	16
Марциальные воды (16—17). История Кондопоги (17—18). Успенская церковь в д. Кондопоге (18—27). Петропавловская церковь в Лычном Острове (27—30).	
3. К и ж и	31
Сенная Губа и Серёдка (31—32). Кижский погост (32—36). Преображенская церковь (36—44). Покровская церковь (44—46). Колокольня (46—47). Музей-заповедник (48—51). Лазаревская церковь Муромского монастыря (51—52). Часовни из Леликозера и Кавгоры (52). Избы и амбары (52—59). Часовни на островах близ Кижей (59—61).	
4. Заонежье	62
Великая Губа (62—63). Усть-Яндома (63). Типи-ницы (63—69). Яндомозеро (69—71). По дороге в Кузаранду (71—74). Космозеро (75—78). Вёгорукса (78—80). Селецкое, Мунозеро, Черкасы (81—85). Северная часть Заонежья (85—88). Шунья (88—90). Заонежская вышивка (91—92).	

5. На Выг _____	93
Медвежьегорск и Повенец (93—94). Раскол на Севере (94—95). Палеостровские самосожжения (95—96). Выгорецкие скиты (96—106). Чёлмужи (106—110).	
6. Пудожский край _____	111
Особенности культуры (111—114). Пудожские часовни (114—115). Ильинский погост на Водлозере (115—120). Бесов Нос (120). Муромский монастырь (120—126).	
7. От Вытегры к Петрозаводску _____	127
Старинные водные пути (127). Покровская церковь в Анхимове (127—130). Дмитриевская церковь в Щелейках (130—131). Богородицкая церковь в Гимреке (131—132).	
Библиография _____	134

Фото на стр. 34—35, 37, 39, 41, 43, 45, 49, 51, 53—55, 57 выполнены А. А. Александровым; на стр. 74 — Б. В. Гнедовским; на стр. 90, 91, 105, 106, 114 — А. И. Северовой; на стр. 131, 132 — Л. Д. Лихачевой; на стр. 13, 47, 69, 79, 86, 103, 125 — с фотографий, хранящихся в музее «Киж», Ленинградском отделении Института археологии АН СССР и в Государственном Русском музее.

На обложке: Кижский погост. Фрагмент гравюры конца XVIII века (из книги «Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя». Спб., 1812).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы становится все больше людей, увлеченных, даже одержимых культурой северного края. Поездке на юг они предпочитают путешествие по холодному, бездорожному северу. Возвратившись, оживленно делятся впечатлениями о Карелии и Двинской земле, Беломорье и Белоозере, Пинеге и Мезени. Надолго запоминают поэтический облик старинных деревень на берегах медленных северных рек, величественные церкви, возвышающиеся над густыми лесами.

Паломничество на Север отчасти вызвано напряженным ритмом современной городской жизни, побуждающим искать разрядки в идиллической тишине, в общении с вековой мудростью, внутренней уравновешенностью, декоративной простотой старинного крестьянского творчества. Тяготение на Север связано, быть может, и с усилившимся в последнее время стремлением как можно полнее и глубже узнать историю национальной культуры, не ограничиваясь рамками общеизвестных, привычных хрестоматийных фактов. Увлечение Севером превратилось в моду. Порою не обходится без крайностей. Возникает преклонение перед экзотикой, умиление наивностью и неумелостью деревенского изделия, смешиваются этнография и искусство. Мода, вероятно, скоро угаснет, как угасает все чрезмерное. Но переживаемый нами период повышенного, возбужденного внимания к Северу вряд ли пройдет бесследно.

Еще недавно известные лишь специалистам, северные памятники постепенно становятся популярными.

Знакомство с ними расширяет не только исторический, но и художественный кругозор, обостряет эмоциональную восприимчивость, приучает ценить особую концентрированность образа, высокую степень обобщения, предельную лаконичность форм.

Книга содержит краткий рассказ о художественных достопримечательностях Обонежья — так в старину называли места, лежащие вокруг Онежского озера.

Сейчас основная территория Обонежья входит в Карельскую АССР (хотя население тут главным образом русское, карелы живут преимущественно на западе республики), а южные районы — в Вологодскую и Ленинградскую области. Городов сравнительно немного: Петрозаводск, Кондопога, Медвежьегорск, Пудож, Вытегра. Главные художественные памятники, в том числе и знаменитый ансамбль Кижского погоста, расположены в селах.

История края небогата событиями. Приблизительно с XI века пустынные берега Онежского озера, где были лишь редкие поселения предков современных карелов, стали осваиваться новгородцами. В документах XII века уже упоминается немало здешних сел. С тех пор Обонежье прочно вошло в состав земель Великого Новгорода, а в конце XV века, вместе с Новгородом, стало частью единого русского государства.

В этом крае жили почти исключительно крестьяне. Именно они первыми приходили сюда, рубили и выжигали лес под пашни, обживали каменистые и заболоченные земли. Ни в «новгородские» времена, ни в пору Московской Руси в XVI—XVII веках здесь не выросло ни больших городов, ни крупных монастырей. Деревенским укладом жизни Обонежье выделялось даже по сравнению с соседними северными областями, куда более активно проникали городские веяния.

Новшества принесла лишь эпоха Петра I. Во время русско-шведской войны (1700—1721 гг.) были построены металлургические заводы, разрослись старые села и слободы, был основан Петрозаводск. Но в дальнейшем, особенно в XIX столетии, Обонежье оказалось в стороне от главных путей русской истории. Местная культура, созданная руками крестьян, во всей чистоте сохранила простонародный характер. Край жил тихой, неторопливой, патриархальной жизнью. Постепенно он превратился в огромный заповедник старой русской

культуры. В местном деревянном зодчестве долго сохранялись сложившиеся здесь особые приемы строительства. В иконах многие века жила память о древней новгородской живописи, давно забытой в других районах Севера. Именно тут можно было услышать героические былины, восходящие еще ко временам Древней Руси.

Во множестве селений, разбросанных по извилистым, изрезанным озерным берегам и мелким островам Обонежья, сосредоточены большие художественные ценности. Книга не претендует на исчерпывающую полноту их описания. Ведь многим районам края можно было бы посвятить отдельные книги такого же размера. Кроме того, в глухих северных деревнях даже специалисту не всегда удается заметить каждое художественно значительное сооружение, каждое произведение народного творчества. Здесь возможны все новые и новые открытия. Север меньше всего похож на музейный зал, где все экспонаты выявлены, определены, снабжены этикеткой. В книге поневоле пришлось ограничиться лишь основными памятниками края. Отдельные районы описаны с разной степенью полноты. Мы то следуем вдоль берега, то несколько удаляемся в глубь материка. О Заонежье, Выгорецких скитах, Пудожском крае рассказано подробнее, чем о Кондопожском районе и южном и западном побережье.

Автор пользуется случаем поблагодарить всех товарищей, помогавших своими добрыми советами при написании этой книги, особенно Б. В. Гнедовского, И. П. Шаскольского и В. И. Шередегу.

1. Петрозаводск

Ярко-синее Онежское озеро, виднеющееся сразу от вокзала, в конце прямого, как стрела, главного проспекта — вот что встречает человека, впервые попавшего в Петрозаводск — столицу Карельской АССР. Это один из красивейших городов нашего Севера. Доставляет удовольствие ходить по его широким улицам, тенистым паркам и, больше всего, по озерным набережным, откуда открывается вид на дикие скалы и темные леса дальнего берега Онежского залива. Город расположен в неровной, холмистой местности, спускающейся к озеру то полого, то круто, и это придает ему особую привлекательность.

Основная часть зданий Петрозаводска возведена в послевоенное время. В годы Великой Отечественной войны город был почти полностью разрушен и сейчас выстроен фактически заново. Город выглядит вполне современным и при этом выгодно отличается от многих новостроек живой художественной связью городской застройки с прекрасным северным пейзажем. Озеро и скалы, овраги и лес, органически включенные в городской ландшафт, придают Петрозаводску неповторимый индивидуальный облик. Улицы и площади раскрыты к озеру, наполнены светом и воздухом.

Это город непрерывно обновляющийся, бурно растущий, и теперь в нем не сразу можно заметить сооружения, относящиеся к его ранней истории. Петрозаводск, ровесник Ленинграда, основан в 1703 году.

Он моложе многих сел Онежского края, но среди городов нашего Севера один из самых старых.

Основание Петрозаводска связано с большими преобразованиями, происходившими в здешнем крае в XVIII веке. Тихая дотоле земля стала пограничной, очутилась в центре важных исторических событий. Шла Северная война со Швецией за выход к Балтийскому морю. В России не хватало пушек, и потому у найденных здесь месторождений железных руд в 1703 году по указу Петра I был заложен металлургический завод, получивший позже название Петровский. Вокруг него и вырос город, до 1777 года именовавшийся просто Петровской слободой. Завод находился в самом устье реки Лососинки. Впоследствии он был перенесен на новое место, чуть выше по течению реки, сильно расширен, а в наше время реконструирован. Сейчас это Онежский машиностроительный завод — одно из крупнейших предприятий Севера. Его интересные старые здания и крепостная ограда не сохранились. На территории нынешнего завода остались лишь некоторые корпуса 70-х годов XVIII века.

Судить о первых постройках Петровской слободы можно только по старинным описаниям и изображениям. На месте, где теперь расположена площадь Кирова, стояла стройная Петропавловская церковь, сооруженная еще при Петре I в виде восьмигранной в плане ярусной постройки со шпилем и фонарем-маяком наверху. Там же был и путевой дворец Петра. Остатки рощи, посаженной, по преданию, самим Петром и слившейся сейчас с городским парком, напоминают об этих ранних страницах истории города.

Но ни в XVIII, ни в прошлом столетии Петрозаводск не превратился в крупный город, хотя с 1784 года и стал центром Олонецкой губернии, куда входила почти вся нынешняя Карелия. От старого Петрозаводска сохранилось, правда в перестроенном виде, несколько красивых каменных домов XVIII века на бывшей Нагорной линии — улице, идущей вдоль обрыва, откуда открывается прекрасный вид на пойму Лососинки с ее живописными заводскими корпусами. В заречной части стоит церковь, выстроенная в 1826 году в стиле позднего классицизма, с большим куполом и четырьмя белоколонными портиками. Она имеет несколько тяжеловесные, приземистые пропорции, свойственные многим сооружениям той эпохи. Сейчас

Круглая площадь в Петрозаводске

в здании помещается Государственный музей Карельской АССР.

Главный памятник старого города — ансамбль так называемой Круглой площади. Ее невысокие двухэтажные здания резко отличаются от придвинувшихся совсем близко новых корпусов. В соразмерности всех пропорций ансамбля, в его строгой простоте ощущается большой художественный вкус строителей, узнаются благородные черты архитектуры русского классицизма. Площадь невелика, но ее скромные здания не затерялись в современной застройке. Они и по сей день остаются самыми замечательными сооружениями Петрозаводска.

Архитектурный облик Круглой площади сложился не сразу. Первые постройки ансамбля возводились в 1774—1775 годах по проекту архитектора Назарова. Тогда здесь было восемь корпусов, размещалось в них Управление Петровских заводов. От этих зданий почти

в не переделанном виде сохранилось лишь два небольших, стоящих чуть в стороне от длинных полуциркульных корпусов. Подчеркнутая пластичность каждого из первоначальных сооружений, тонкая, почти скульптурная обработка их фасадов — черты стиля раннего классицизма, только еще складывавшегося в русском зодчестве второй половины XVIII века.

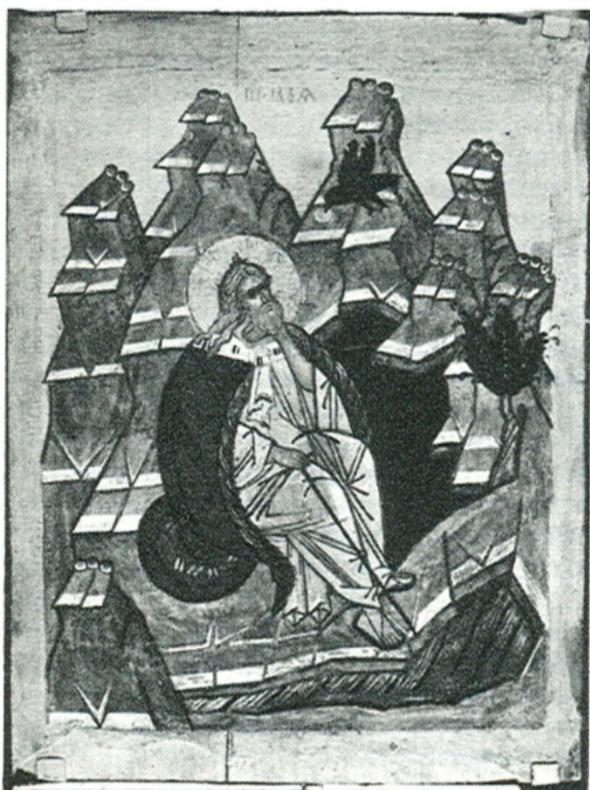
В 1785—1789 годах здания Круглой площади были перестроены для более удобного размещения губернских учреждений. Архитекторы Кисельников и Крамер объединили шесть корпусов в два полуциркульных здания. Здесь находилась канцелярия первого олонецкого губернатора, поэта Г. Р. Державина. Некоторые переделки были произведены и в XIX веке, но в целом облик ансамбля Круглой площади восходит к 80-м годам XVIII века.

Два симметричных полукруглых здания полукольцом охватывают площадь, оформляя торжественный

*Илья пророк в пустыне.
Икона. Кон. XV—нач.
XVI в. Музей изобрази-
тельных искусств в Пет-
розаводске*

центр старого города. Их план геометрически четок, фасады скупно оживлены лишь размеренными рядами окон и небольшими портиками. Сооружения образуют единый ансамбль, тонко связанный с окружающим пейзажем, местным рельефом. Между зданиями, вдоль главной оси площади, открывается вид на пойму реки, расположенные внизу под обрывом заводские корпуса, синеватый вдали простор озера. Поперечная ось ансамбля подчеркнута портиками. Углы каждого здания, украшенные полуколоннами, скруглены. Этим создается плавный, постепенный переход от площади к начинающимся отсюда старинным улицам. Зодчие сумели архитектурными средствами передать общественную значительность главных городских сооружений. Эти постройки парадны, но лишены официальной напыщенности; они суровы, но без аскетизма; ансамбль площади не обособлен, не замкнут внутри себя, а открыт вовне, решен как центр расходящихся улиц.

Создание ансамбля Круглой площади в Петрозаводске — факт, характерный для русского зодчества 60—80-х годов XVIII века. Именно в эти годы не только в Петербурге и Москве, но и в крупных и малых городах русской провинции — Твери и Ярославле, Калуге и Костроме, Рязани и Нижнем Новгороде — развернулось большое строительство отдельных общественных сооружений и целых комплексов. Архитекторы стремились упорядочить и организовать городскую застройку, внести единство в облик центральных улиц и площадей, выразить в формах архитектуры новые художественные идеалы эпохи. Круглая площадь в Петрозаводске — один из интереснейших ансамблей русского провинциального классицизма XVIII века.

Петрозаводск связан с художественной культурой русского классицизма не только своими архитектурными памятниками. Здесь, на Александровском заводе, работали мастера, изготовлявшие художественное

литье. Им поручали отливать детали и украшения для многих прославленных зданий и архитектурных ансамблей Петербурга. Это и знаменитые узорные ограды Казанского собора и Ассигнационного банка, выполненные по рисункам Воронихина и Руска, и триумфальные Московские ворота, воздвигнутые в Петербурге по проекту Стасова в честь победы 1812 года, и чугунные решетки некоторых петербургских мостов, и скульптурные фигуры львов для лестницы в Павловском парке. Такие же львы сейчас стоят перед одним из портиков на Круглой площади.

К памятникам старого Петрозаводска можно отнести каменную церковь 1786 года, стоящую в селе Соломенное, за озерным проливом. Сейчас село вошло в городскую черту. Церковь выстроена на огромной голой скалистой глыбе. Здание интересно не как архитектурный, а как исторический памятник, поскольку оно находится на месте старинного Соломенского монастыря, упоминающегося еще в документах XVI века. Это был один из тех маленьких монастырьков, которые во множестве строились в северных лесах местными крестьянами «себе на поминок и на пострижение и на прибежище». Соломенская церковь напоминает о далекой эпохе Древней Руси, о прошлом той земли, где сейчас вырос Петрозаводск.

В наше время Петрозаводск — крупный научный и культурный центр. Здесь находится Карельский филиал Академии наук, несколько высших учебных заведений, в том числе университет, и два музея. Один из них — Государственный музей Карельской АССР — содержит краеведческий материал. Его экспозиции отражают природные особенности края, его историю, культуру, современную жизнь. Здесь можно увидеть хорошее собрание произведений русского и карельского народного декоративного искусства, чертежи, зарисовки и фотографии выдающихся памятников северного деревянного зодчества, археологические находки, материалы, связанные с жизнью Карелии в советское время.

Другой музей — Изобразительных искусств — сравнительно молод, он образован в 1960 году. Однако музей уже успел приобрести широкую известность не только в самом Петрозаводске, но и за пределами Карелии. Наряду с произведениями современных художников Карельской республики, здесь экспонируется собранная в последние годы прекрасная коллекция па-

мятников старой живописи края — иконы XV—XVIII веков. Многие из них найдены в тех деревнях, с которыми мы еще познакомимся в дальнейшем во время путешествия.

Старая живопись Карелии была ветвью, провинциальным вариантом новгородской иконописи. Находясь в иконном зале музея, мы то и дело обнаруживаем это родство: видим яркие и свежие краски, энергичную манеру письма, декоративную ясность и четкость построения, мужественность образов. Но иконы Карелии интимнее, камернее новгородских и, как правило, примитивнее по исполнению. Эти незамысловатые, порою бегло написанные иконы обладают особой теплотой и сердечностью. Они рассчитаны на близкое рассматривание, на тесное, непосредственное общение с ними зрителя. Эти иконы не подходят к торжественной обстановке городского каменного храма. Но зато их легко можно представить в скромном и уютном помещении северной деревянной церкви. Именно там, на фоне грубого бревенчатого сруба, лучше всего выявляются их художественные качества и раскрывается простодушный внутренний смысл.

Лучшие среди икон музея — «Илья в пустыне», «Петр и Павел», «Евстафий и Трифон» — относятся к XV—XVI векам. Искусство иконописи прожило в Карелии дольше, чем в центральной Руси и соседних районах Севера. Даже произведения XVII—XVIII веков — «Флор и Лавр в житии» из Типиниц, «Никола в житии» из Новинки — поэтичны и искренни, не затронуты холодной и бездушной ремесленностью, охватившей русскую иконопись поздней поры. Петрозаводская коллекция икон северных писем — лучшая в Советском Союзе. Она позволяет заглянуть в художественный мир тех старинных северных деревень, которые мы увидим во время нашего путешествия.

2. В Кондопогу и на Лычный Остров

К северу от Петрозаводска ландшафт быстро меняется. Почти исчезают равнины. Появляются скалистые гряды, чередующиеся с лощинами. Всюду видны следы ледника: множество глубоких озер, узких заливов, сглаженных гранитных глыб. Пейзаж суровый, романтический, родственник скандинавскому. Именно здесь, на реке Суне, находится знаменитый водопад Кивач, описанный в оде Державина и в поэме Федора Глинки «Карелия».

Дорога из Петрозаводска на север пролегает по старинным местам. В восемнадцати километрах от Петрозаводска находится Шуя. Это село когда-то в древности было крупным административным и культурным центром Обонежья. В Шуйский округ-погост входила и Кондопога, и те земли, на которых впоследствии возник Петрозаводск.

Через тридцать километров пути — село Кончезеро. В XVIII веке оно славилось своим большим заводом, где выплавляли чугун из местных болотных железных руд. Добывали тут и медь. Завод был основан в 1707 году Петром I. В 1793 году он сгорел и был выстроен заново. Сейчас от его старых построек сохранились лишь стены.

Несколько в стороне от Кончезера — деревня Дворцы, где располагается большой современный курорт Марциальные воды. Еще в 1714 году на этом месте рабочий Кончезерского завода Иван Ребоев обнаружил целебный источник железистых вод. Директор местных горных заводов немедленно сообщил об этом

Петру I. Тот направил сюда своего лейб-медика Блюментроста. Убедившись в ценности источника, царь повелел учредить курорт «на европейский манер», назвав его в честь Марса — бога войны. Были изданы специальные «Дохтурские правила» пользования источником, написанные с трогательной деловитостью.

В Дворцах сохранилась церковь (1719—1721 гг.), упрощенно воспроизводящая в дереве формы каменного зодчества начала XVIII века: граненые выступы алтаря и притворов, плоские купола, шпили, крутые высокие кровли. Существует предание, что здание построено по собственноручному проекту Петра I.

Севернее Дворцов расположено несколько замечательных памятников деревянного зодчества. Главный из них — Успенская церковь 1774 года в деревне Кондопоге. Ведущие туда дороги проходят через город, возникший в советское время и унаследовавший то же название Кондопога. Раньше на месте города было пусто. Жизнь шла рядом, в деревне. Кондопога стала значительным центром края уже в XVI веке. Писцовая книга 1563 года сообщает о том, что здесь стояла церковь; между тем в старину церкви строились лишь в крупных селениях. К XVIII веку — времени постройки дошедшего до нас здания церкви Кондопога особенно выросла. В ней насчитывалось восемьдесят дворов, в то время как большинство северных деревень состояло из трех-четырёх изб. В Кондопоге была пристань, откуда большие корабли — галиоты отправлялись по Онежскому озеру и Свири в Петербург. На кораблях везли пушки и ядра, изготовленные на окрестных металлургических заводах, и знаменитый «тивдовский» мрамор, добытый на ломках в расположенных неподалеку деревнях Тивдии и Белой Горе. Месторождения эти были открыты в 1757 году. Тивдийский мрамор заслуживает особого упоминания. Имеющий множество оттенков, от бледно-розового до лилово-красного, он широко использовался в строительстве Петербурга. Им облицован внутри Исаакиевский собор, отделана часть фасадов Мраморного дворца, изготовлены плиты для подоконников Зимнего, украшены Инженерный замок, Казанский собор, а в наше время — станция Московского метро «Бауманская». Теперь ничего не осталось от знаменитой кондопожской пристани, и лишь величественное здание Успенской церкви на берегу узкой Чупа-губы Онежского озера напоминает о былой оживленности места.

Сейчас деревня почти смыкается с Кондопогой-городом. В нем вырос огромный целлюлозно-бумажный комбинат. Производственные корпуса захватили городские окраины, подступили к заливу, подошли к деревне. На фоне неба рисуются рядом и грубые очертания заводских труб, и изящный силуэт церкви.

В этом своеобразном художественном споре побеждает старая постройка. Именно ее, а не заводские корпуса, замечаешь издали, за много километров. Сначала это лишь темная вертикальная полоска на фоне монотонно-ровных, скрывающихся в дымке террас озерного берега. Постепенно она становится все более отчетливой, приобретает характерные островерхие очертания. Стоит пройти пешком вдоль деревни, чтобы, медленно приближаясь, увидеть, как вырастает большой шатер.

Здание церкви даже и теперь художественно организует огромное пространство, образуя контраст

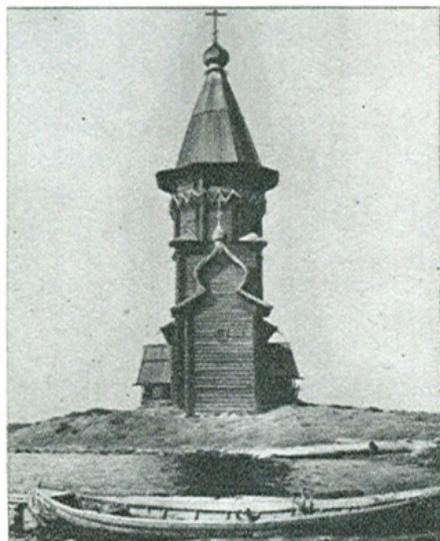
Успенская церковь в Кондопоге. 1774 г.

с монотонными, ровными линиями пейзажа. Тем более значительным должно было оно выглядеть в старину. Есть в этой постройке что-то от маяка, от мощного высотного ориентира, издали видного путникам. Быть может, не только художественными, но и практическими целями объясняется необычайная высота сооружения. Шатер поднимается на 42 метра (на 7 метров выше кижской Преображенской церкви). В западной части здания, над трапезной, то есть на стороне, обращенной к озеру, в старину стояла небольшая колоколенка (реставраторы нашли следы врубок от ее бревен). Очень вероятно, что она служила дозорной вышкой.

Успенская церковь поражает графической четкостью очертаний, мгновенной ясностью архитектурной идеи. Здание подобно обелиску или кристаллу. Нужно постоять около церкви, обойти вокруг нее, взглянуть, как рисуется ее силуэт на фоне озерных камышей или

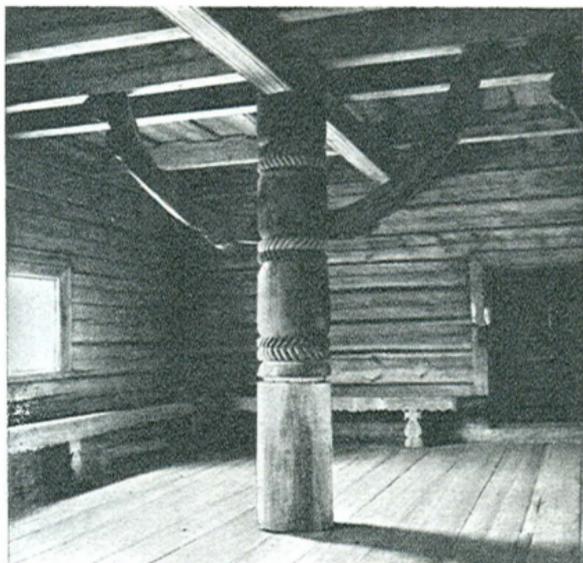

Успенская церковь в Кондопоге. Вид с востока

низких темных берегов, чтобы по достоинству оценить эти ее качества.

По своему плану здание мало чем отличается от множества других северных церквей. Основу составляет квадратное помещение самой церкви. С востока примыкает небольшой прямоугольный алтарь, с запада — широкая, но тоже квадратная в плане трапезная. С севера и юга пристроены симметрично расположенные крыльца. Это обычная планировка церкви, где традиционные элементы здания как бы нанизаны на единую ось по линии восток — запад.

Своеобразие Успенской церкви в ее объемной, пространственной композиции. Здесь все подчинено главной идее, каждый элемент подчеркивает устремленность сооружения вверх. Основной части церкви — четверику приданы удлиненные вытянутые пропорции. Покоящийся на нем восьмигранный сруб — восьмерик, также очень высокий, состоит из двух ярусов.

Интерьер трапезной Успенской церкви

Чуть выше середины он расширяется, образуя так называемый повал, и на нем воздвигнут второй ярус восьмигранника. Сруб завершается еще более мощным расширением. Этот второй повал служит основанием шатра. Переход от нижнего узкого к верхнему — широкому ярусу восьмерика украшен зубчатым пояском из треугольных фронтонок. Его углы многократно вторят общему островерхому силуэту церкви. Круто поднимающиеся крыльца и высокий алтарный прируб как бы подготавливают стремительный взлет шатра.

Шатровых зданий типа кондопожской церкви во второй половине XVIII века было возведено немало. Но кондопожская — самая совершенная среди современных ей и более древних русских шатровых построек. Невольно хочется думать, что цельность и красота силуэта кондопожской церкви какими-то отдаленными, опосредованными путями связаны с общим

характером русской архитектуры второй половины XVIII века, когда столь ценили лаконизм форм.

Войдем внутрь здания по одному из легких крылец, покоящихся на выпущенных из стены бревнах-кронштейнах. Лестницы поднимаются круто, потому что церковь поставлена на очень высоком подклете, увеличивающем высоту сооружения.

После небольшой, сравнительно узкой паперти открывается просторное, очень светлое помещение трапезной. Широкие, украшенные резными подзорами лавки вдоль стен напоминают о том, что кондопожская церковь, как и любая другая на Севере, использовалась и для светских целей. Местные крестьяне собирались в трапезной для обсуждения своих общинных, мирских дел.

В интерьере здания есть деталь, какую приходится видеть в церквах не часто. Это два массивных столба-опоры с фигурными полукруглыми кронштейнами,

Иконостас Успенской церкви

поддерживающими продольные брусья — матицы потолка. Они напоминают человеческую фигуру с разведенными в стороны руками. Такой мотив встречается в старинных народных вышивках, но кондопожские плотники придали ему еще большую обобщенность. В изгибах кронштейнов, в упругих контурах балясин-«дынек» передано напряжение от лежащего на опорах груза. Здесь художественно выражена функция, конструктивный смысл архитектурной детали, и это очень характерно для деревянного зодчества Севера. Чередование крупных, спокойных линий с мелкими штрихами-зарубками на поясках-перехватах, общая ясность очертаний, яркая окраска (красное, синее и зеленое), исполненная в позднее время, но, очевидно, повторяющая первоначальную, — все это характерно для русской народной резьбы по дереву. Эти столбы, монументальные, крупные, красочные, как бы задают тон всему интерьеру трапезной.

Расписной потолок — «небо» Успенской церкви

Помещение же самой церкви лишено художественного единства. Главную роль играет огромный пятиярусный иконостас, где иконы размещены между золочеными колонками и карнизами. В центре — царские врата, ведущие в алтарь, слева — дверь бокового алтарного помещения — жертвенника. По сторонам у стен отдельно стоят клиросы с резными рамами для икон.

Потолок церкви по старой северной традиции сделан расписным. Он состоит из центрального медальона и шестнадцати треугольных икон, образующих как бы секторы огромного круга. В центре представлен Христос в священническом облачении, стоящий перед престолом, вокруг него — ангелы с драгоценными сосудами, подсвечниками, крестами, иконами, опахалами. Все это — видоизменение традиционной композиции с изображением торжественного богослужения — «божественной литургии», издавна известной в росписи ка-

менных храмов. Иногда такое изображение размещалось в купольной части собора. Подобная роспись потолков, называвшихся на Севере «небесами», встречается во многих местных деревянных церквях XVIII—XIX веков.

Роспись «неба» дошла до нас несколько искаженной. Узкие доски-тябла, обрамляющие каждую икону и составляющие костяк потолка, сплошь замазаны грубой синей краской, но из-под нее проглядывают яркие многоцветные орнаменты. Узоры не повторяются, но в основе большинства из них — вьющийся стебель с отходящими в стороны пышными завитками. Можно представить себе, что в первоначальном виде живопись «неба» была более нарядной, чем сейчас. Украшение тябл росписью очень характерно для северного зодчества. С этим мы еще не раз встретимся.

Если присмотреться к иконостасу, заглянуть под его горизонтальные тяги, то можно увидеть во многих местах сохранившиеся неприкосновенными и незакрашенными такие же тябла, что и на потолке. Значит, иконы вначале стояли на простых досках-полочках, прикрытых с лицевой стороны расписными тяблами. Иконостас выглядел проще и красочнее, его яркие светлые орнаменты красиво выделялись на грубоватой поверхности бревенчатых стен.

Дошедший до нас резной иконостас, с его поблескивающей позолотой, мало вяжется с простыми деревянными стенами церкви. Формы иконостаса восходят к образцам, господствовавшим в искусстве крупных русских центров в XVIII веке — в эпоху пышного барокко. Отголоски этого стиля чувствуются в колонках центральной части и клиросов, где вьющиеся виноградные лозы с большими листьями и гроздьями переданы очень пластично, трехмерно. В той же манере были исполнены и царские врата. К сожалению, их резьба сильно повреждена. Однако в целом кондопожский иконостас обнаруживает упрощение, преобразование старых мотивов. Его ярусы размеренно четки, колонки изящны. Орнамент резьбы горизонтальных тяг и архивольта царских врат строго ритмичен. Он выглядит лентой, наложенной на цветной фон, прорисован плоскостно и графично. Здесь есть суховатость позднего классицизма. Некоторые элементы этого стиля предстают в наивной трактовке народных мастеров.

В XVIII—XIX веках в Заонежье появилось немало золоченых резных иконостасов. Сохранились же они

лишь в нескольких местах, но когда-то они, очевидно, очень привлекали местных мастеров, были художественной модой, увлечением, новинкой. Прежние простые горизонтальные тябла стали убирать или оставляли на месте, но закрывали новой сверкающей резьбой, как здесь, в Кондопоге. Иконостасная резьба превратилась в особый вид местного декоративного творчества.

Живопись икон «неба» и иконостаса кондопожской церкви — четкая, силуэтная, со стройными фигурами, резко прорисованными драпировками, классическими колоннадами архитектурных фонов, своеобразными фестончиками облаков вокруг каждой композиции, относится, очевидно, к концу XVIII или даже к XIX веку, хотя в ней и ощущаются традиции древнерусского искусства. В стилизации и декоративной узорности чувствуется творчество провинциальных народных мастеров.

Козьма и Демьян. Фрагмент трехрядной иконы из Кондопоги. XVI в. Музей изобразительных искусств в Петрозаводске

Одна из икон кондопожской церкви занимает сейчас почетное место в экспозиции петрозаводского Музея изобразительных искусств. Небольшая, почерневшая от времени доска в 1952 году обратила на себя внимание искусствоведа и реставратора В. Г. Брюсовой, обследовавшей памятники старинной живописи Карелии. После расчистки на иконе обнаружилось три яруса изображений: вверху деисусный чин (святые, склоненные перед Христом), а ниже в два ряда — фигурки так называемых избранных святых.

Выразительностью деталей икона выделяется даже среди северных произведений, всегда живых и острых. Ее персонажи — приземистые, нескладные, наивные. Они настороженно вглядываются и словно прислушиваются к чему-то. Их облику присуща внешняя характерность; позы, жесты утрированы. Сочные красочные пятна, плотно положенные блики, густые мазки образуют живую неровную фактуру. Этот живописный

стиль, грубоватый и архаический, нередко встречается в искусстве северных деревень, особенно в XVI веке.

Если из Кондопоги отправиться на лодке по короткому проливу и озеру Сандал, то можно добраться до маленькой деревни Лычный Остров, расположенной действительно на острове, в северном конце этого узкого озера. Это одна из самых старинных северных деревень. Известно, что еще в XV веке она входила во владения новгородского боярина Марка Панфильева.

На распаханной каменистой гряде стоит небольшая шатровая церковка — Петропавловская, выстроенная в 1620 году. За века своего существования здание претерпело много изменений. Исчезла шатровая колокольня, примыкавшая к трапезной с запада, неоднократно переделывались крыльца, расширялись окна и, главное, был надстроен восьмерик и увеличена высота шатра. В последние годы некоторые детали церкви были реставрированы по сохранившимся древним фрагментам.

*Крыльцо Петропавловской
церкви*

*Петропавловская церковь
в Лычном Острове. 1620 г.*

Сейчас трудно судить о первоначальном облике здания. Но видно, что эта захолустная деревянная церковка выстроена мастером несравнимо меньшего таланта, чем кондопожская. Она приземиста и немного неуклюжа. Ее алтарный прируб непропорционально мал, а трапезная слишком обширна и тяжела по сравнению с невысоким столпом. Тем интереснее сходство приемов в оформлении центральной части здания. Здесь те же два яруса восьмерика, причем верхний сделан шире нижнего. Повторяется и мотив фронтонного пояска, только в лычноостровской церкви он тянется прямо над четвериком.

Очевидно, эти архитектурные мотивы интересовали некоторых мастеров западного Обонежья на протяжении многих лет. Кондопожская и лычноостровская церкви принадлежат к единому направлению в местном зодчестве. Мы встречаемся с такими особенностями и в других постройках края. Одни здания уже исчезли

и известны только по уцелевшим фотографиям и обмерам (церкви в Деревянском и Рыбреке). С другими, находящимися в Линдозере, Гимреке, Сойгинцах, можно познакомиться и сейчас.

Красивая деталь лычноостровской церкви — ее крыльцо. Как и в Кондопоге, оно трехчастное: нижняя площадка, лестница и верхняя площадка, опирающаяся на выпущенные из стены бревна-кронштейны. Кровлю крыльца поддерживают резные столбики. Резьба несколько угловата (возможно, она не очень древняя), но характерна для северного искусства: крупные балясины чередуются с плоскими поясками, покрытыми мелкими зубцами-порезками.

С верхней площадки лестницы видны небольшие островки и низкие озерные берега. Типично карельская природа предстает словно в фигурной раме из столбиков крыльца. Упругие контуры резьбы противостоят спокойным линиям пейзажа. Трудно сказать, руководил ли мастерами художественный расчет. Но глаз человека нашего времени неизменно ощущает выразительность такого обрамления. Резные крылечки часто встречаются в церквях Онежского озера, и хотя их форма в каждом случае своеобразна, всюду повторяется этот мотив.

Интерьер здания гораздо скромнее, чем в кондопожской церкви. К тому же его декор плохо сохранился. Остались лишь отдельные иконы «неба» и сильно попорченные, но красивые по рисунку узорные расписные тьябла потолка.

Рядом с Петропавловской стоит позднее и малоинтересное здание теплой (зимней) Сретенской церкви. Сейчас оно переделано под клуб. В свое время туда из древней церкви были снесены иконы. Одна из них — храмовая, с изображением апостолов Петра и Павла, а также сцен их жития, расчищена и сейчас находится в петрозаводском Музее изобразительных искусств. Икона эта написана в конце XVII века. Она отличается живостью сцен и необычным колоритом, в котором преобладают яркие, синие, желтые и розовые цвета.

Кроме кондопожской и лычноостровской церквей, в Кондопожском районе к западу от онежских берегов есть и другие архитектурные памятники. Возможно, что со временем, когда будут полнее изучены эти здания, расчищены и исследованы иконы, в них находившиеся, еще более четко обрисуются своеобразие культуры этой западной окраины старого Обонежья.

3. Кижы

Архитектурные сооружения западного побережья Онежского озера — кондопожская и лычноостровская церкви — составляют как бы пролог к целой серии художественных памятников Обонежья. Главные из них, самые известные, сосредоточены на Кижском погосте.

Отправиться туда нужно из Петрозаводска. Пароход пересекает открытое озерное пространство (его называют Большое Онего) и входит в проливы между многочисленными островами архипелага. Самый большой остров — Климецкий. Здесь когда-то находился знаменитый монастырь Клименцы, основанный еще в 1520 году новгородским купцом, по преданию, выброшенным туда бурей во время путешествия. Единственная остановка парохода перед Кижами — пристань Сенная Губа. За холмами высокого берега скрыта деревня, известная многим любителям старой русской культуры. Там, у одного из местных крестьян в начале нынешнего столетия была найдена уникальная рукописная книга — «Наставление иконописцу и книжному писцу», переписанная в XVII веке. Ее содержание — практическое руководство для мастеров с подробными указаниями о том, как составлять чернила, растирать краски, готовить иконные доски, и даже — как изображать те или иные композиции. Книгу бережно хранили, передавали из семьи в семью, и не случайно. Окрестности Кижей — древний художественный центр. Здесь было много иконописцев, переписчиков книг, и это «руководство» требовалось им постоянно.

Места эти славятся и тем, что в памяти многих крестьян сохранялся с далеких времен, передаваясь из поколения в поколение, древний былинный эпос. Здесь были еще в прошлом веке записаны былины об Илье Муромце, о «стольном граде Киеве». Родиной Рябининых — едва ли не самых знаменитых сказителей Заонежья — была деревня Серёдка. Ее старинные избы можно увидеть вскоре после Сенной Губы справа по ходу парохода.

За Серёдкой показывается, наконец, силуэт главной кижской церкви. Сначала он почти не отличим по очертаниям от островерхих елей, стоящих на окрестных островах. Постепенно он увеличивается, открываются соседние постройки и становится виден весь сложный ансамбль.

Маленький островок Кижы еще в XV веке был центром большого округа — Спасского Кижского погоста, куда входили деревни на множестве окрестных островов и на самом Заонежском полуострове. Очень давно здесь уже стояли высокие церкви — предшественники существующих построек. Они были видны издалика и своей внушительностью подчеркивали значение села.

Ансамбль древнего Кижского погоста состоит из трех зданий: главной Преображенской церкви (1714 г.), меньшей — Покровской (1764 г.) и стоящей между ними колокольни (1874 г.), построенной на месте более старого сооружения. Здания эти различны по архитектурным типам, по своим формам и общим очертаниям, и возведены они в разное время. Тем не менее Кижский погост не стал нагромождением построек, случайно оказавшихся рядом, не превратился в механическую сумму разновременных сооружений. Все три здания образуют художественное целое.

Преображенская церковь — ядро, смысловой центр всего ансамбля. Остальные постройки более скромны, сдержанны, они подчиняются ей. Каждое из этих зданий тонко подчеркивает особенности главного сооружения. Купола Покровской церкви перекликаются с его пышным многоглавием, а островерхая колокольня напоминает по очертаниям его общий стремительный пирамидальный силуэт. Преображенская церковь, самая ранняя, словно определила ведущую тему, которую подхватили и развили строители других выросших рядом сооружений.

Проходя вокруг погоста или проплывая на лодке вдоль берега острова, можно увидеть бесконечное мно-

гообразии открывающихся видов. Постройки то сближаются в единый массив, то отдельно и четко рисуются на фоне неба. Если смотреть с озера, с западной стороны, то становится особенно заметной продуманная согласованность всех зданий. Это как бы главный фасад погоста. Сюда обращены широкие всходы крылец, здесь на берегу была и старинная пристань. Вертикаль колокольни образует центр всей композиции. Строгие и жестковатые линии ее шатра выгодно оттеняют причудливую нарядность церковных куполов. Приглядевшись, можно оценить тонкие приемы, которыми строители достигли впечатления художественного единства ансамбля. Нижние части зданий имеют примерно одинаковую высоту и сходны массивностью своих простых, ничем не украшенных срубов. Покровская церковь, хотя и меньшая по размерам, зрительно уравнивается с огромной Преображенской, потому что стоит ближе к колокольне.

Отсюда, с запада, лучше всего ощущается грандиозность кижских построек. В их необычайной величественности, в особом размахе всего ансамбля заметна близость художественной культуре XVIII столетия. Сохранившиеся северные ансамбли XVII века более скромны. И все же общий облик Кижского погоста еще теснейшим образом связан со вкусами старой, допетровской Руси. Различные по высоте и очертаниям, его здания составляют живописную группу. Кижские зодчие были большими мастерами трудного искусства ансамбля. Они сумели достичь впечатления единства зданий, вовсе не прибегая к рассудочной выверенности. Художественная связь между постройками основана отнюдь не на откровенной и сухой геометрической уравновешенности, а на асимметрии, сложных вариациях основных мотивов, тонкой перекличке масс и силуэтов. Эти принципы архитектурного ансамбля сложились именно в древнерусском зодчестве. Особенно ярко они сказались в конце XVII века. Погост на Онежском озере имеет ясно уловимую общность с живописными и затейливыми панорамами Суздаля и Ростова Великого, Новодевичьего монастыря и Троице-Сергиевой лавры.

Правда, Кижский погост строже и проще. В нем нет красочности ансамблей центральной Руси с пестрой толпой многочисленных построек, с разноцветными стенами, с сияющими на солнце золотыми и синими куполами их церквей. Его потемневшие от времени,

замшелые здания, высящиеся над холодным озером, производят более суровое впечатление, подобно всем деревянным церквям русского Севера.

Кижский погост — это очень своеобразный отголосок старой русской культуры. Север и в XVIII столетии продолжал хранить традиции древнерусского зодчества. Здесь, в тогдашнем Олонецком крае, сравнительно недалеко от новой русской столицы, шла своя художественная жизнь. Ансамбль Кижей показывает, что северным строителям оставались еще близки эстетические идеалы Древней Руси, память о которых постепенно ослабевала в официальной архитектуре больших русских городов XVIII века.

Есть еще одно качество кижского ансамбля, которое роднит его с древнерусской архитектурой. Это очень тонкая согласованность зданий с окружающей природой. Невозможно представить себе сооружения Кижей в тесной городской застройке. Они словно впаяны

Кижский погост

*Преображенская церковь
в Кижях. 1714 г.*

в суровый северный пейзаж. Вертикали церквей зрительно объединяют, художественно организуют огромное пространство. Северные зодчие знали множество способов для достижения этого единства. Они то ставили церкви на высоких береговых кручах, как в знаменитой Белой Слуде на Двине; то придавали зданиям особо удлиненные очертания, образующие контраст с монотонностью низкого берега, как в Кондопоге; то, как в Кижях, создавали более плавный переход от пологих линий холмов к мощному и широкому основанию постройки.

Преображенская церковь — самая сложная, наиболее богато украшенная среди всех памятников северного деревянного зодчества. Под пышностью ее двадцати двух глав не сразу можно уловить строгую продуманность общей системы архитектурных форм. Основная часть здания — ярусная. Это три восьмигранника, поставленные один на другой. К широкому

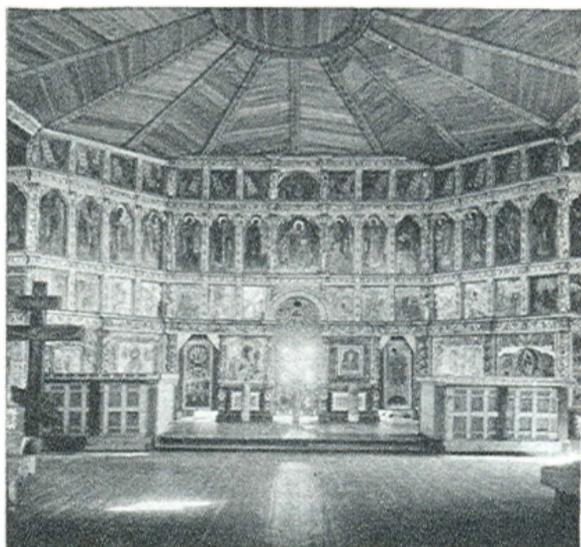
нижнему восьмернику примыкают четыре пристройки, прямоугольные в плане. Все эти объемы имеют фигурные завершения — «бочки». С востока пристроен небольшой алтарь, с запада — широкое крыльцо.

Купола расположены ярусами, подымающимися к центральной главе. Первый и второй ярусы — на уступах боковых прирубов, третий — на главном, большом восьмернике, четвертый — на следующем, среднем, восьмернике, и, наконец, пятый ярус образован самой верхней, венчающей здание главой, поставленной на маленький верхний восьмерик. Дополнительная, двадцать вторая глава помещена над алтарем.

В облике здания нет и намека на хаотическое нагромождение дробных форм. Все элементы согласованы и подчинены единой архитектурной идее. Каждая часть постройки подчеркивает динамичность общей композиции. Ступенчатость, пирамидальность заключаются уже в соотношении основных объемов: высота частей постепенно нарастает от двухступенчатых боковых прирубов к центральным восьмерикам. Устремленность ввысь подчеркнута и заостренными «бочками». Наконец, ощущение движения достигает предельной силы в ярусах главок, словно избегающих по уступам крыш.

Многое в облике Преображенской церкви определено традицией. Здания с подобным планом — восьмерик с четырьмя прямоугольными прирубами — строились на Руси с глубокой древности и назывались «круглыми о двадцати стенах». Поскольку размер каждой стороны сруба зависел от длины бревна, то именно такой крестообразный план с изломанными, сложными очертаниями позволял выстроить парадное здание максимально большой площади. Давно были известны русским зодчим и многоглавые завершения, и живописные ярусы «бочек», создававшие переход от суровой нижней части здания к пышному верху.

Но кижская церковь — не комбинация традиционных форм и мотивов. Она рождена своей эпохой. Многие признаки связывают памятник с русским зодчеством конца XVII — начала XVIII века. Это и его ярусное построение, и особенно нарядность и живописность общего облика. Щедрое обилие форм, напряженные изгибы сложных, пересекающихся линий, глубокие контрасты света и теней на ее стенах, уступах кровель и чешуйчатых главках; художественный ритм в размерах куполов, подчеркивающий их движение к цент-

*Интерьер Преображенской
церкви*

ральной главе и исключаящий впечатление монотонного повторения; хрупкие очертания крестов, придающих ажурность строгому контуру постройки и смягчающих замкнутость общего силуэта; наконец, динамика композиции — все это заставляет вспомнить об архитектуре барокко в ее своеобразном древнерусском варианте.

Правда, Преображенская церковь гораздо строже, чем, например, московские каменные постройки того времени. Силуэт сохраняет компактность, собранность, четкую пирамидальность. Купола поставлены так, что каждый из них как бы вдвинут в фигурную кровлю следующего яруса. Архитектурным формам присуща пластическая определенность, каждая часть, деталь здания отчетлива, скульптурна, чему немало способствует и выразительная фактура дерева: обнаженная поверхность бревенчатых срубов, чешуйчатый лемех куполов. Большая сдержанность облика кижской церкви

зависит от тех художественных традиций, которые давно сложились в северном деревянном зодчестве. Но эта строгая старая основа как бы сплавилась с идеалами нового времени.

Поднимемся по широким всходам крыльца. Здесь ясно осознается то мирское, светское начало, которое выразилось в облике Преображенской церкви. Крыльцо это — своего рода трибуна для собраний всего крестьянского мира, происходивших перед зданием. С его верхней площадки видны озерные проливы и дальние деревни. Словно обрамлением для этого пейзажа служит простая и древняя резьба столбов крыльца: ее крутые, упругие линии, ее мощные и крупные очертания.

Торжественность внутренних помещений едва ли не превосходит величия наружного облика здания. Огромные, залитые светом притворы, просторное помещение самой церкви, широкие лавки вдоль стен — все это вновь напоминает об общественном назначении здания, о массе собиравшегося здесь волостного люда.

В древнерусской архитектуре конца XVII века можно найти немало образцов светского, праздничного оформления интерьера церковного здания. Достаточно вспомнить помещения знаменитых ярославских храмов, где так сильно сказались жизнерадостные народные вкусы большого городского посада. Интерьер кижской церкви родственен этим памятникам, но и отличен от них. В нем нет ни пестрого ковра фресок, покрывающего стены и своды, ни ярких пятен разноцветных изразцов, ни затейливой каменной резьбы. Вместо этой декоративной насыщенности — строгая простота мощных бревен, широких половиц, массивных дверных косяков, скупой резьбы скамеек с волнистым орнаментом подзоров. Дерево, золотистое и теплое, с ничем не скрытой красотой его естественной фактуры, придает кижской церкви большое очарование.

Как и в других северных церквях, главным украшением внутреннего помещения были иконостас и роспись потолка — «неба». К сожалению, первоначальное убранство Преображенской церкви искажено. Во время Великой Отечественной войны погибли огромные треугольные иконы потолка. Сохранились лишь узкие доски-тябла, обрамлявшие эти иконы. Иконостас же переделан не раньше середины XVIII века. Три его верхних ряда были заменены новыми иконами. Тогда же выполнена и пышная золоченая резьба. Древние

*Покровская церковь в Ки-
жах. 1764 г.*

иконы стояли на простых деревянных полках, прикрытых узкими расписными досками, подобными тьялам потолка.

Существующий иконостас на первый взгляд поражает своим блеском и великолепием. В его иконах есть общий монументальный ритм. Сложный резной орнамент колонок и карнизов с широкими листьями и вьющимися виноградными лозами выполнен с большим техническим мастерством. И все же, приглядев-шись, невозможно побороть ощущение, что иконостас чужд интерьеру. Сухие и жесткие очертания фигур в иконах, резкие краски, и особенно жирный блеск позолоты не вяжутся с простотой деревянной церкви. В исполнении иконостаса есть техническая виртуозность, но дыхание большого искусства исчезло.

От раннего убранства здесь сохранилось лишь несколько икон нижнего ряда. Лучшие из них — «Зосима и Савватий в житии» (крайняя слева), «Георгий

в житии» (третья слева), «Преображение» (справа от царских врат), икона с изображением сцен из жизни Авраама и Сарры (в правой части иконостаса, вокруг резного деревянного складня с фигурами богоматери и предтечи).

Иконы эти различны по стилю. Однако северная живопись XVII—XVIII веков изучена еще так мало, что трудно сказать, объясняется ли это различие разновременностью произведений или тем, что они выполнены мастерами, работавшими в разных манерах. В иконе Преображения заметны архаические черты. Короткие неуклюжие фигурки святых изображены упрощенно, их позы застылы. Возможно, что эта икона написана в XVII веке для стоявшей здесь более древней церкви, а затем перенесена во вновь отстроенное здание. Икона же со сценами из жизни Авраама и Сарры, вероятно, создана уже в XVIII веке. В трактовке массивных фигур и пышных драпировок ощу-

Крыльцо Покровской церкви

щается знакомство с произведениями искусства рубежа XVII и XVIII веков, а в изображении сводчатых палат и каменных плит пола заметно влияние гравюр Петровской эпохи. Клейма иконы напоминают и народные лубочные картинки с их наивной и меткой выразительностью. Медленно шествует среди холмов Авраам со своим сыном Исааком. Сарра хлопотливо готовит угощение трем путникам-ангелам. За уставленным яствами круглым столом происходит трапеза. В облике фигур так много чисто крестьянского, что поражаешься умению мастера перевести библейский рассказ на привычный ему художественный язык северных писем. Эта икона — самая красивая по колориту. Она написана рыжеватой-красной киноварью и золотистыми охрами, составляющими тонкую гармонию.

Две другие иконы более изысканны: рисунок уверен и слегка суховат, фигуры грациозны и легки, композиции свободные и разрезанные. Их стиль более

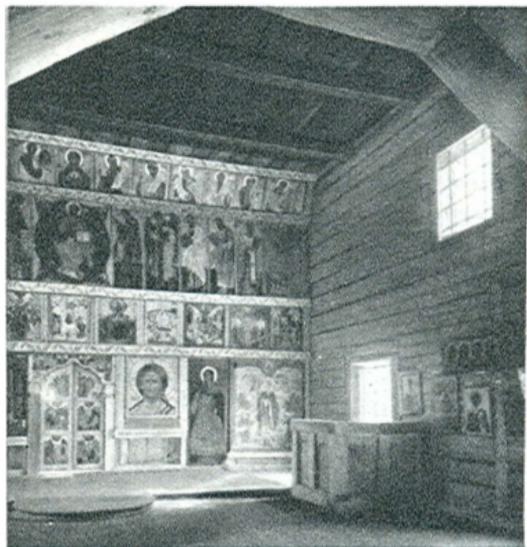

поздний, и не исключено, что они написаны уже после постройки церкви. Самое интересное в «Зосиме и Савватии» — житийные клейма, в которых изображены сцены из жизни этих святых, основателей славившегося на Севере Соловецкого монастыря. Здесь можно увидеть и синие морские волны, и раздутые паруса кораблей, и деревянные избы, и фигурки людей, занятых пахотой, рубкой леса, и еще много любопытных подробностей. «Чудо Георгия» привлекает рыцарственной элегантностью всадника, особенно популярного на Севере святого, чтимого за свою храбрость. Клейма хочется рассматривать долго и внимательно, настолько живо там представлены и сам Георгий, и его многочисленные преследователи и гонители. В фигурках этих есть что-то точеное. Основной цвет иконы — холодновато-розовый — чист и ярко.

Покровская церковь меньше и проще Преображенской. Ее план строится по официальному церковному канону: по одной оси вытянуты и основное помещение с алтарным прирубом, и длинная трапезная, пристроенная с запада. На кубический основной объем поставлен восьмерик с сильным расширением вверху — повалом. Здание завершается девятью главами. Сооружений такого типа много на Севере как в Карелии, так и в других областях. Кижская церковь выделяется среди них своими стройными, удлинненными пропорциями и изяществом главок, стоящих на небольших восьмигранниках. Благодаря этому постройка приобретает легкость. Ее очертания как бы аккомпанируют стремительному взлету главной, Преображенской, церкви. Главы образуют нарядную ажурную корону, венчающую здание. Очень удачно найдены и пропорции асимметричного одномаршевого крыльца, красиво вписанного в композицию западного фасада.

Интересная деталь Покровской церкви — декоративный пояс из треугольных фронтонов, помещенный на восьмерике. Такой мотив встречается на нескольких памятниках Заонежья. Его мы видели и на Кондопожской церкви.

Внутренний вид здания сильно искажен: уничтожена стена, отделявшая трапезную от основного помещения, утрачен старый иконостас. Но тем не менее здесь можно еще лучше ощутить красоту интерьера деревянного храма, чем в блистающей своим великолепием Преображенской церкви. Существующий иконостас Покровской церкви при реставрации сделан по

Интерьер Покровской церкви

образцу старинных, тябловых, более органично сочетающихся с бревенчатыми срубами церкви, чем пышные золоченые. Он собран из заонежских икон XVII — начала XVIII века и поставлен на тябла, расписанные древними орнаментами (по мотивам сходных тябл в Кондопоге и Волкострове). Иконы двух верхних рядов — деисусного и пророческого — происходят в основном из заонежской деревни Тáмбицы и относятся к XVII—XVIII векам. В них видны характерные черты заонежских «писем» позднего времени: подчеркнутая плоскостность, изящество легких контуров, нежность разбеленных неярких красок. Иконы праздничного ряда разновременны. Многие из них отличаются такой же высветленностью колорита. Они интересны своими тщательно выписанными, фантастически сложными архитектурными фонами.

Среди праздников выделяется «Чудо о Флоре и Лавре». Это иллюстрация легенды о том, как архангел

Михаил поручил святым Флору и Лавру покровительство над стадом коней. Подобные изображения были окружены на Севере особым почетом: Флор и Лавр считались защитниками крестьянских стад. В кижской иконе передан возвышенный, магический смысл происходящего. Грузные фигуры архангела и святых застыли, словно совершая вечно длящийся торжественный ритуал. Даже жанровые сценки, помещенные в нижней, «земной» части иконы, не нарушают серьезности всего изображения. Сложные постройки, клубящиеся облака, фантастические растения заполняют весь фон иконы. Скорее всего, икона написана в XVIII веке. Дух искусства этого столетия сказался и во внешних приметах (светские камзолы и шляпы всадников), и в художественных особенностях: в нагруженной, плотной композиции, тяжести форм, круто изогнутых, напряженных линиях рисунка, беспокойных контрастах светлых и темных тонов.

*Чудо о Флоре и Лавре.
Икона в иконостасе Покровской церкви. XVIII в.*

Произведения в нижнем ряду различны по стилю. Икона богородицы, расположенная справа, монументальна. Крупный растительный узор на фоне придает ей сходство с нарядным декоративным панно. Икона Спаса (справа от царских врат) выглядит в иконостасе чужеродной. В ее живописи есть неприятная сухость и натуралистичность.

Колокольня — самое позднее из трех высотных слагаемых кижского ансамбля. Она построена уже во второй половине прошлого столетия. Во многих ее особенностях сказался упадок, который переживало в ту эпоху деревянное зодчество. Постройка обшита тесом, скрывающим ее сруб, нижний четверик слишком тяжел для невысокого шатра. Окна и двери — с полуциркульными завершениями и филенками — подражают формам каменной архитектуры. Но поздние признаки не мешают основному — ее вписанности в ансамбль, ее тонкой связи с соседними зданиями. Колокольня и пе-

рекликается с ними своей высотностью, и противостоит им простотою очертаний. Даже в это позднее время строители не потеряли чувства ансамбля, чувства общей меры.

На погосте есть еще одно сооружение — невысокая деревянная ограда, охватывающая кольцом все три основные постройки. В эпоху суровых войн XVII столетия Кижский погост стал крепостью и был обнесен крепостной стеной. Она сохранялась еще в XVIII веке, о чем мы знаем по изображению на старинной гравюре. До нашего времени эта древняя ограда не дошла. В 1959 году при реставрационных работах ограда Кижского погоста была воссоздана по образцу сохранившихся на Севере деревянных укреплений. Ее внушительные ворота, сторожевые башни по углам, массивные срубы, сильные свесы двускатной кровли подчеркивают суровость погоста, увеличивают его сходство со старинной крепостью.

*Лазаревская церковь из
б. Муромского монастыря.
До 1391 г. (?)*

Реставрационные работы, проведенные в Кижях на протяжении последних лет, были поистине огромны. Задача реставраторов состояла в том, чтобы устранить многочисленные искажения, которым подверглась архитектура погоста в XIX столетии, и как можно более точно воссоздать первоначальный облик построек. Основной проект реставрации был составлен архитектором А. В. Ополовниковым. Мастера, работавшие под руководством опытного заонежского плотника М. К. Мышева, сняли с церковных зданий унылую тесовую обшивку, скрывавшую пластику древних срубов; убрали доски, которыми были защищены пролеты крылец, реконструировали резные части по сохранившимся старым фрагментам. Многие иконы были расчищены от накопившейся на них грязи и поздних поновлений. Был собран иконостас Покровской церкви взамен утраченного первоначального, расписаны орнаментами его тьяла. Это лишь краткий перечень проделанных работ.

*Часовня Михаила архангела из Леликозера.
XVIII в.*

Сейчас на Кижском острове царит музейная атмосфера. Здания погоста стали экспонатами. Ими любят, перед ними благоговеют. В старину же здесь кипела бурная будничная жизнь большого округа с ее повседневными мирскими заботами. Как и на других погостах Севера, на острове стояли амбары и лавки для происходивших по определенным дням ярмарок. Сюда стекались массы людей из окрестных волостей, для них были построены специальные «дворы на приезд». Тут собирались крестьяне всего округа для обсуждения дел своего мира. Множество лодок виднелось на озере, толпы людей заполняли погост.

Протекавшая здесь жизнь далеко не всегда была мирной. Стены погоста видели и крестьянские бунты, и большие восстания. Одно из них произошло в 1694—1695 годах, когда в нескольких деревнях Заонежья были открыты металлургические заводы. Отказавшись от работы в них, крестьяне прогнали мастеровых,

*Амбар из Коккойлы и дом
Ошевнева. XIX в.*

уничтожили заводские склады. В 1695 году для расправы с непокорными прибыл карательный отряд стрельцов. По сигналу церковного колокола крестьяне «с дубьем и кольем» собрались на Кижском погосте, но не смогли устоять против хорошо вооруженного войска и были разбиты.

Другое восстание, в 1769—1771 годах, охватило большую территорию Заонежья. Оно было вызвано тяжестью работ на местных металлургических заводах и тивдийских мраморных ломках. 1 июля 1771 года две тысячи крестьян собрались на Кижском погосте для переговоров, но каратели пустили в ход пушки, и это восстание также было жестоко подавлено.

В наше время Кижский остров превращен в заповедник деревянного зодчества Севера. Его организация еще не закончена. Но сюда уже перевезены из разных районов Карелии некоторые старинные церкви, часовни, избы и хозяйственные постройки.

Экспонаты музея под открытым небом относятся к двум группам. Первая — культовые сооружения. В отличие от монументальных и величественных кижских церквей, эти здания дают представление о скромных деревенских постройках.

Древнейшая из них — миниатюрная Лазаревская церковь из бывшего Муромского монастыря, находившегося на восточном берегу Онежского озера. По преданию, ее построили при жизни основателя монастыря, инок Лазаря, умершего в 1391 году. Она относится к числу старейших из сохранившихся памятников русского деревянного зодчества и является самой простой и скромной из церковных построек. К основной квадратной клетки, стена которой меньше трех метров, пристроены с востока небольшой алтарный прируб, а с запада — трапезная. Каждый объем перекрыт двускатной кровлей. Главка поставлена прямо на конёк (гребень) крыши. С южной стороны сделано

маленькое «косячатое» (с косяком) окно, а остальные окна — узкие, «волоковые», то есть задвигающиеся (заволакивающиеся) деревянными ставеньками.

Небольшие размеры и простота облика церкви объясняются как ее происхождением из захолустного уединенного монастыря, так и тем, что она не предназначалась для значительных богослужений, а стояла на монастырском кладбище. Писцовая книга 1563 года упоминает ее после крупных монастырских построек: «... да за манастырем церковь Лазорь святыи на гробищах». Уступчатый силуэт, резные концы тесин-досок кровли, да и сама миниатюрность постройки придают ей большую привлекательность.

Тесное внутреннее помещение дает представление об интерьерах скромных сельских церквочек, каких, вероятно, немало было в старину на Севере. Ее иконостас состоит всего из двух рядов икон. Все они — не старше XVI века. Столбики царских врат расписаны внизу красивым орнаментом, очень характерным для северного искусства. Особую ценность представляют шесть средних икон деисусного ряда. Под тонким слоем потемневшей олифы и незначительным поновлением фонов угадываются изящные контуры старой живописи, исполненной в XVI веке, по-видимому, северным мастером.

Две часовни XVIII века — из Леликóзера (Заонежский полуостров) и Кáвгоры (Кондопожский район) показывают, как разнообразно было творчество деревенских строителей. Часовня из Леликозера напоминает двухступчатый силуэт кровли и изящными пропорциями шатровой колокольни. Постройка из Кавгоры, поставленная на высоком подклете, выделяется своей монументальностью.

Избы, амбары, мельницы, стоящие на Кижском острове, раскрывают перед нами иную область народного деревянного зодчества — гражданское, светское строительство.

Три крестьянские избы перевезены сюда из окрестных заонежских деревень: дом Ошевнева — с Большого Климецкого острова, дом Елизарова — из деревни Серёдка близ Кижей, а дом Сергеева — из деревни Лóгморúчей, около старинного села Соломенное. Они возведены сравнительно недавно — в прошлом столетии.

Среди гражданских построек бесполезно было бы искать столь же древние сооружения, как церкви. Это

Дом Елизарова. XIX в.

и понятно: в них жили, они быстрее портились, чаще горели, да и относились к ним не так бережно, как к церквям и часовням. Но в жилом строительстве традиции были очень устойчивы, поэтому избы Кижского заповедника нельзя рассматривать лишь как памятники прошлого столетия. Здания эти позволяют судить и о чрезвычайно древних приемах народного зодчества, и о сравнительно поздних художественных веяниях.

Все три избы относятся к тому типу зданий, который сложился на Севере в старину. Под одной крышей объединены и жилые, и хозяйственные помещения. Этого требовали суровая северная зима и особенности быта местных крестьян, издавна живших большими патриархальными семьями. Здания имеют некоторые различия в планировке. Дома Ошевнева и Елизарова построены «кошелем». Их план приближается к квадрату. Крытый двор примыкает к жилью сбоку. Конек

Часовня в Волкострове.
XVII—XVIII вв.

кровли проходит над серединой жилой части, поэтому скаты крыши получаются несимметричными: над жильем — короткий и крутой, а над двором — длинный и пологий. Такой тип дома считается в Заонежье самым древним. Дом Сергеева имеет иную планировку — «брусом». Все помещения расположены друг за другом по одной оси и образуют в плане вытянутый прямоугольник. Здание перекрыто симметричной двускатной кровлей, конек которой тянется по продольной оси.

Как и все старинные заонежские избы, дома эти двухэтажные. В нижнем этаже жилой половины устраивали кладовые. Но иногда жили и внизу. Так было, например, в доме Ошевнева. В хозяйственной половине внизу располагался большой крытый двор с хлевами вдоль стен. Вверху, в сарае (пóвити) складывали сено. На пóвить во всех домах ведет взвоз — бревенчатый накат-пандус, по которому завозили сено. Между

Часовня в Корбе. XVIII в.

жилой и хозяйственной половинами на обоих этажах устраивали просторные сени.

Подобные крестьянские постройки распространены на всем русском Севере. В каждом районе были свои варианты, но основные принципы оставались общими — это дом-двор, дом-усадебa. Этот тип северного крестьянского жилища, как предполагают, восходит еще к эпохе Древней Руси.

Облик северных домов величав. Нет сложного нагромождения пристроек, прирубов, отдельных клетей, как это было в центральной России. Компактная планировка, общая крыша придают домам композиционную цельность. Срубы стен мощны. Сильные выступы крыш подчеркивают массивность построек. Нарядные галереи, узорные наличники и причелины (резные доски фронтонов) выделяют главную, жилую часть дома и оживляют суровость стен. Декор, каким бы пышным он ни был, всюду подчинен единому архитектурному

замыслу. Главное в этих домах — ясность простых форм, крупных масс. В них есть подлинная монументальность.

В кижских постройках чувствуются и очень индивидуальные художественные оттенки. Дом Ошевнева выглядит как богато убраный терем, раскинувшийся на озерном берегу. Протянувшиеся с трех сторон галереи, богатая, даже чрезмерно перегруженная резьба причелин, светелка, увенчивающая фасад, делают это здание самым нарядным. Особенно интересны его наличники. Широкие раскрытые ставни зрительно увеличивают размеры окон и выделяются крупными светлыми пятнами на поверхности бревенчатых стен. Фигурные «разорванные» навершия говорят о знакомстве с каменным зодчеством эпохи барокко. Такие украшения можно встретить на многих домах Заонежья, в том числе и на доме Сергеева в Кижях. Очевидно, эти формы понравились заонежским строите-

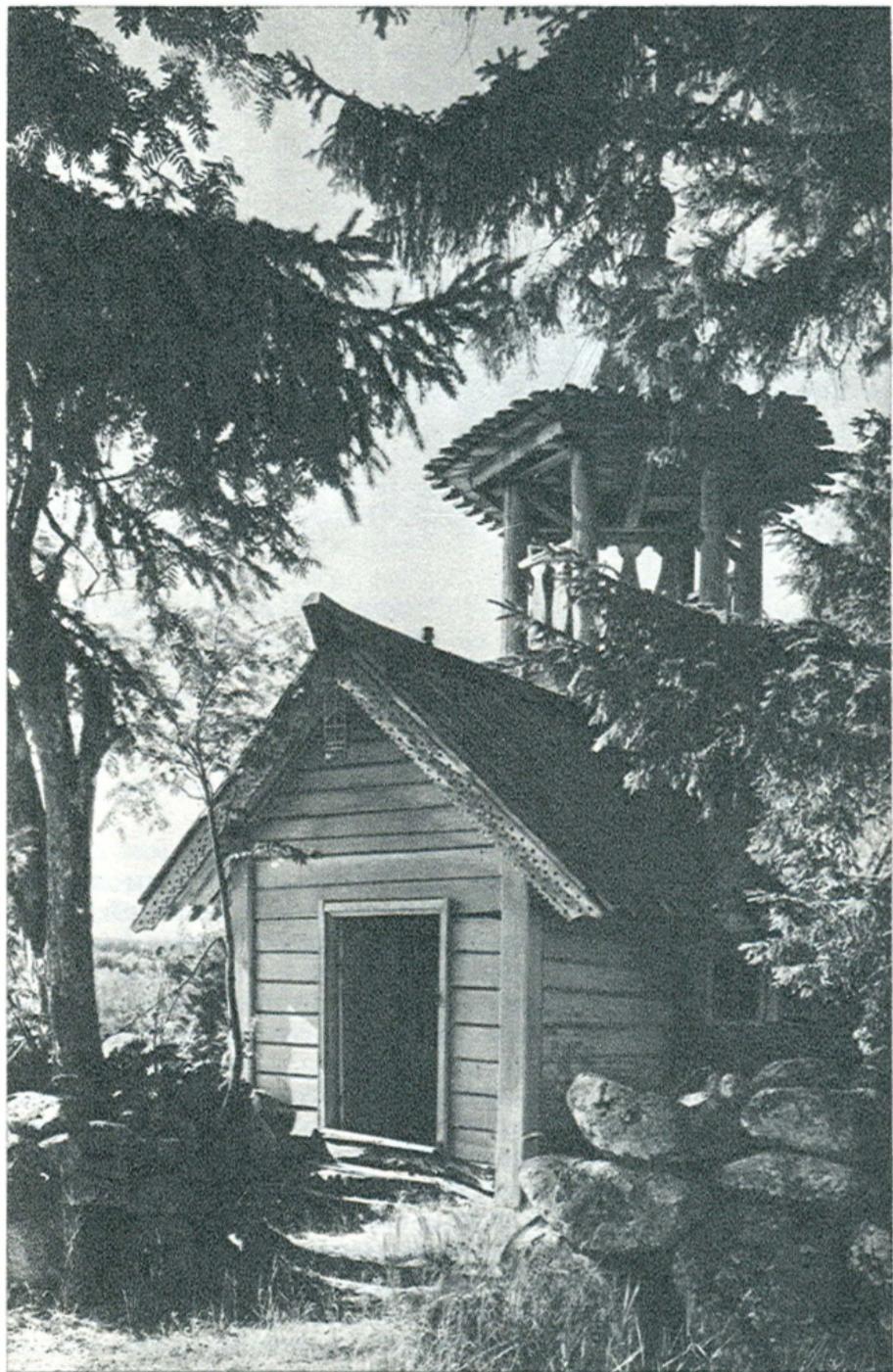
Часовня в Подъельниках.
XIX в.

лям, познакомившимся с ними еще в XVIII веке, и удержались на протяжении следующего столетия.

Елизаровская изба проще. В ней меньше живописности, чем в доме Ошевнева. Ее линии геометрически жестки, даже суховаты, декор скуп. Главное в ее облике — точность пропорций, четкость ритма: простые треугольные навершия наличников многократно вторят силуэту фронтона.

Рассматривать дворовые срубы северных изб не менее интересно, чем любоваться главными, парадными фасадами. Стены дворов суровы, почти лишены декоративной обработки, но в каждой детали с большим художественным вкусом передана ее конструктивная сущность. Например, ворота в сараи перекрыты мощными арками из толстых тесаных брусьев. Очертания этих приземистых, словно придавленных арок передают напряжение от груза лежащих на них венцов. На столбах взвозов сделаны округлые

Часовня в деревне Васильевская. XVIII в.

«дыньки». Они вытесаны топором, крупными широкими плоскостями, дающими богатую игру теней. Приемы этих украшений, скупые и строгие, традиционны для северного деревянного строительства.

Большой художественной цельностью отличаются и внутренние помещения. Красота этих интерьеров — в мощи бревенчатых стен, массивных потолочных матиц, широких пластин пола, в строгом ритме горизонтальных линий, в богатстве фактуры некрашеного тесаного дерева. Цвет его разнообразен: золотистые стены, потемневший потолок, светлый, как слоновая кость, пол, по обычаю всегда очень чистый. Полное единство с обликом помещений составляют и домашние вещи, с большим мастерством изготовленные заонежскими крестьянами: долбленные ковши, плетеные кошельки, кованые медные умывальники, так живо напоминающие древние русские сосуды — водолеи, шитые ярко-красными декоративными узорами полотенца и подзоры.

Среди хозяйственных построек кижского заповедника особенно хорош небольшой амбар из деревни Коккойла. Он срублен в прошлом веке. Живописная игра теней под сильными свесами крыши и на балюстраде миниатюрного балкончика, резные столбики, узорные причелины придают ему пластичность.

В этой крошечной постройке, утилитарной по назначению, есть все черты настоящего искусства. Концы причелин амбара необычны по рисунку. Их очертания напоминают одновременно и стилизованную человеческую фигуру, и громадную кисть руки. Крупные контуры резки и угловаты. Этот орнамент совсем не похож на узоры резьбы других кижских построек. Но зато он часто встречается в населенных карелами западных районах республики, откуда и привезен амбар. Не исключено, что такой орнаментальный мотив составляет особенность карельского искусства.

Представление о кижских архитектурных памятниках будет неполным, если не посмотреть маленькие часовни XVII—XIX веков, которые стоят здесь же, неподалеку от заповедника и на соседних островах.

В некоторых районах Севера часовни по внушительности и монументальности порою не уступали церквям. Но часовни заонежских островов имеют другой — поэтический и интимный облик, словно подчеркивая по контрасту грандиозность архитектуры Кижского погоста.

Все эти здания сходны по типу: они клетские, главная часть перекрыта двускатной кровлей с луковичной главкой, с запада примыкает трапезная с небольшой шатровой звонницей. Но их строители не повторялись, не копировали друг друга. Они то делали трапезную равной высоты с главным помещением, то понижали ее и этим создавали уступчатый силуэт здания, варьировали пропорции звонницы, ставили главки то прямо на конек крыши, то на маленький восьмигранник, меняли положение и форму входа, по-разному декорировали крыльцо, и этим достигали богатства композиционных решений, различия архитектурных образов.

Самая нарядная из окрестных часовен — волкостровская, с галереей на кронштейнах-бревнах, выпущенных из сруба. Ее резные столбы имеют мощные очертания и напоминают своими крутыми изгибами такие же столбы крылец кижских церквей. Часовня в Корбе привлекательна своим живописным крыльцом и пропорциями звонницы с мощным расширением

*Фрагмент росписи «неба»
Васильевской часовни.
XVIII в.*

повала. В часовне Подъельников с юга около звонницы пристроены большие сени, обогатившие традиционную композицию здания. На фронте сений прибиты причелины, орнамент которых по своей строгой простоте сродни скромным узорам деревенских домотканых набоек.

Постройки эти так разнообразны, что трудно отдать предпочтение какой-либо из них. Но, пожалуй, наиболее сильное впечатление производит часовня в Подъельниках. Спрятанная в тени громадных деревьев, потемневшая от времени, с маленькими окнами, выглядывающими из-под низко свисающей крыши, она кажется такой же старой, как вековые ели и замшелые камни, которые ее окружают.

Удивительная вписанность в пейзаж чрезвычайно характерна для этих зданий. Стоящая на открытом безлесном острове волкостровская часовня словно рассчитана на солнечный свет, создающий эффект резных

теней от ее балюстрады. Силуэт этой часовни самый сложный, фасады разнообразны, декор обилен. А полускрытые густыми деревьями здания Корбы и Подъельников, напротив, лаконичнее и строже. Островерхие шатры их звонниц издали неотличимы от темных елей, стоящих рядом.

Интерьер каждого из этих зданий декорирован по-своему. В Васильевской часовне особенно интересно «небо». Кроме центрального медальона и шестнадцати икон с ангелами, здесь сохранились размещенные в углах треугольные иконы с аллегорическими фигурами, олицетворяющими страны света — север, юг, восток и запад. Художник, расписывавший васильевское «небо», был хорошо знаком с пышным и затейливым стилем русской живописи конца XVII — начала XVIII века, но придал своему произведению большую сдержанность и лаконичность.

«Небо» в Корбе, в отличие от строгой росписи Васильевской часовни, сделано очень нарядным. Одежды ангелов, их крылья, облака превратились в плоскостный орнамент. Тябла испещрены густым травным узором. Живописцы, работавшие над украшением заонежских часовен, были столь же разнообразны и индивидуальны в своем творчестве, как и строители.

Любое из этих зданий является своего рода синтезом архитектуры, живописи, декоративной резьбы и составляет одно из слагаемых художественного комплекса Кижского заповедника.

4. Заонежье

После Кижского архипелага, с его разбросанными большими и малыми островами, путь лежит на материк, на Заонежский полуостров. Места эти близки Кижским островам своим пейзажем, обликом старинных деревень, характером архитектурных сооружений. Правда, здесь ни разу не встретишь столь монументального и эффектного ансамбля, как кижский. Но памятники Заонежья многочисленнее, разнообразнее. Если в Кижях мы видим местную художественную культуру в сгустке, в ее самом ярком проявлении, то в Заонежье она как бы рассеяна, разлита по множеству селений. Чтобы ощутить художественное богатство и своеобразие края, мало побывать в двух-трех местах. Надо походить по Заонежью, по его большим и малым, растущим и запустевшим деревням, по его каменистым полям и болотистым перелескам, по берегам узких, похожих на фиорды заливов.

Очень не просто осмотреть все художественные достопримечательности Заонежья. Во многие деревни придется идти пешком. К тому же интересные для нас селения расположены разбросанно, поэтому в книге трудно предложить единый маршрут. Пусть читатель сам определит, какие памятники ему больше всего хотелось бы осмотреть. В выборе пути поможет приложенная схема.

Пароход из Кижей направляется в Великую Губу. Это одно из самых крупных сел Заонежья, раскинувшееся на берегу большого залива. Оно срослось из не-

скольких «концов» — деревень. В центре села когда-то располагался погост с церковью. Длинные ряды огромных изб тянутся вдоль низкого берега. Еще недавно Великая Губа казалась музеем старого деревенского строительства. Но сейчас село выросло, многие дома переделаны и сверкают свежей тесовой обшивкой. Сохранилось лишь несколько старинных построек. Если по главной улице, где с шумом проносятся совхозные грузовики, пройти в дальний конец села, к западу, то в расположенной за полем деревне Верховье можно увидеть несколько старых изб. Дом Горневых, сооруженный, по рассказам владельцев, в середине прошлого века, выделяется приветливым обликом и нарядностью фасадов жилой части. Соседняя изба, правда искаженная стандартными новыми крыльцами, запоминается своей торжественностью, красотой фигурных наличников (почти таких же, как в доме Ошевнева), богатым убранством светелки.

В восьми километрах к югу от Великой Губы расположена деревня Усть-Яндома. На берегу Онежского озера, при впадении маленькой речки Яндомы, среди каменных глыб и высоких елей стоит одна из самых старых заонежских часовен — Егорьевская. Ее относят к XVII—XVIII векам. Она очень похожа на уже знакомые часовни вокруг Кижей: клетская, одноглавая, с шатровой звонницей. Но усть-яндомская постройка выделяется иными пропорциями, другим соотношением частей. Ее колокольня выглядит очень значительной, крупной, на ней поставлен главный художественный акцент. Необычен и вход в здание. В ограде, сложенной из больших валунов, сделаны миниатюрные деревянные ворота под двускатной кровлей. От них тропинка подводит к крыльцу. Над его лестницей устроен навес, опирающийся на резные столбы, а над верхней площадкой — крыша на два ската. Большие свесы кровель подчеркивают миниатюрность ворот и крыльца. Вся эта живописная композиция создает ощущение уюта, камерности.

Совсем иное настроение охватывает каждого, кто, отправившись в Тiпиницы, видит величественную панораму погоста с его огромной шатровой церковью. Леса здесь раздвинулись, отступили, и здание не прячется в тени деревьев, как в Усть-Яндоме, а господствует над окружающим пространством, над длинными рядами деревенских изб и окрестными холмистыми полями.

*Дом Горневых в селе
Великая Губа. XIX в.*

*Егорьевская часовня
в Усть-Яндоме.
XVII—XVIII вв.*

Типиницкая Вознесенская церковь — одна из самых монументальных построек Заонежья. Еще приближаясь к погосту, видишь оба ее шатра, высящиеся словно башни. Их очертания то надвигаются друг на друга, то рисуются раздельно, заставляя угадать грандиозность сооружения. Вблизи здание воспринимается как сложный организм, как целый архитектурный комплекс. К основной части храма примыкает обширная трапезная, а к ней, в свою очередь, колокольня, отделенная небольшим переходом; с запада пристроено обширное крыльцо. Хотя все это расположено на одной оси, здание в целом вовсе не выглядит однообразно-монотонным. Его силуэт сложный, уступчатый: после совсем низкого навеса над входом и невысокого крыльца — стремительный взлет звонницы, затем резкий спад крытого перехода, и снова высокая крыша трапезной и, наконец, мощный шатер. В этом есть что-то от традиций архитектуры Древней Руси, где так

Село Типиницы

любили свободное сочетание разнообразных элементов, ценили игру силуэта, живописность башен, крылец и переходов.

Типиницкая церковь выстроена в 1781 году. Существующая колокольня пристроена позже, лишь в 1829—1830 годах. Прежняя звонница стояла отдельно от церкви, подобно тому, как это сейчас можно видеть в Кижях. В церковь вело высокое двухвсходное крыльцо, примыкавшее к трапезной. Обычай пристраивать колокольню к церкви, соединяя переходом с трапезной и располагая все на одной оси, возник на Севере сравнительно поздно. Достройка не уничтожила красоты здания, но сильно изменила его облик. Первоначальная композиция была строже, цельнее и лаконичнее.

Особенность Вознесенской церкви — высокое основание-подклет. Его можно заметить и не входя в здание, по тому, как высоко расположены окна и как срублена западная часть трапезной: она покоится на

*Вознесенская церковь
в Типиницах. 1781 г.*

бревнах, выпущенных из сруба и образующих как бы огромный кронштейн. Подклет увеличивает высоту церкви, придает ей особую внушительность.

Есть и еще одна интересная деталь. Рядом с поздними широкими окнами сохранились кое-где старинные — маленькие, почти квадратные. В церковном зодчестве оконные проемы и наличники часто были единственным украшением глухих бревенчатых стен. Своими малыми размерами и простым обрамлением они подчеркивали мощь и тяжесть сруба.

Внутренние помещения типиницкой церкви переделаны. Однако сохранились красивые ворота иконостаса — золоченые, резные, тонко исполненные. Их сложная форма и крупные узоры резьбы напоминают мотивы барокко XVIII века.

Типиницкая церковь известна своими древними иконами, которые сейчас находятся в музеях. Одна — «Чудо о Флоре и Лавре, Власий и Спиридоний»,

написанная еще в XVI веке, очень характерна для местной живописи. Изображены на ней святые, которых особенно почитали на Севере как помощников в крестьянском хозяйстве, защитников и покровителей лошадей, коров, коз и овец. Яркие, сияющие краски, смелый и свободный рисунок, выразительность поз делают эту икону одним из самых замечательных памятников северной живописи.

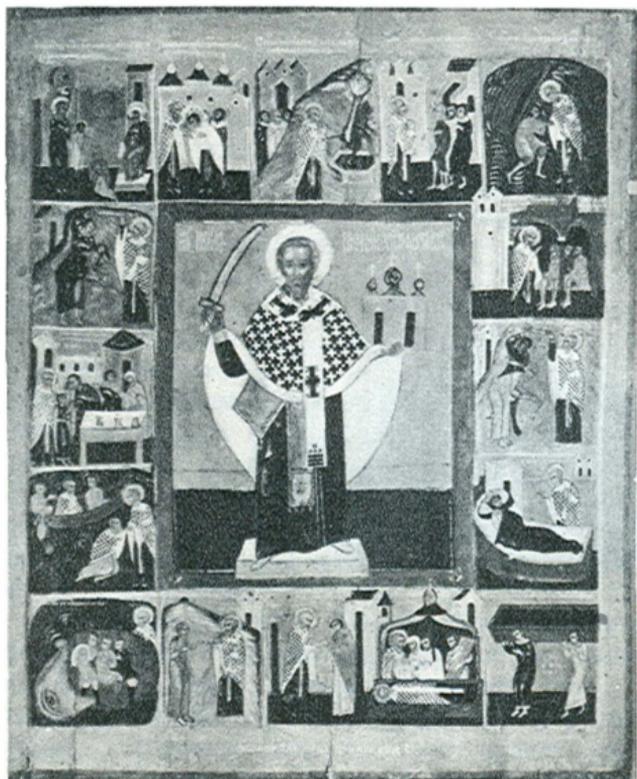
В церкви было найдено и несколько прекрасных произведений XVII века. Особенно любопытны житийные иконы. Изображения в клеймах полны живости, движения, изобилуют множеством подробностей. Одни типиницкие иконы яркие, красочны, узорны, например «Огненное восхождение пророка Ильи на небо», где замечательна широкая лента орнамента, очень похожего на росписи иконостасных тябл северных церквей. Другие памятники более сдержанны. Само обилие икон наводит на мысль, что здесь в XVII веке была целая

Никола Можайский с житием. Икона из Типиниц. 1667 г. Музей изобразительных искусств в Петрозаводске

художественная мастерская. К тому же, на многих иконах сохранились надписи, сообщающие, что вещи исполнены именно в Типиницах. А два памятника — «Никола Можайский с житием» (1667 г.) и «Параскева Пятница с житием» (1660 г.) — так похожи по стилю, что могли быть созданы только в одной мастерской, а может быть, даже и одним художником.

Иконы из Типиниц древнее существующего церковного здания. Ими были украшены церкви, стоявшие здесь прежде. Эти иконы служат живыми свидетелями ранних эпох, они позволяют заглянуть в далекое прошлое села. Знакомство с местной живописью приводит к выводу, что уже в XVII веке село было значительным художественным центром со своей иконописной мастерской. Это особенно важно, если учесть, что Типиницы вовсе не принадлежали к числу самых крупных заонежских деревень и были лишь одним из селений большого округа — Спасского Кижского погоста.

Типиницкие памятники, по счастливой случайности сохранившиеся здесь, заставляют задуматься о том, какие интересные произведения были сосредоточены когда-то в обычных северных церквах и как много этих ценностей погибло.

Отправимся пешком в Яндомозеро. Так называется и узкое длинное озеро, и группа деревень, вытянувшихся по его берегу и почти сросшихся друг с другом. Длинная деревенская улица приводит к погосту со знаменитой Варваринской церковью.

На первый взгляд она очень похожа на типиницкую. Такой же вытянутый по оси восток — запад план, та же главная часть с шатром, длинная трапезная, переход и звонница (как и в Типиницах, она пристроена позже). Но это лишь общность архитектурного типа. В народном зодчестве Севера, как и в древнерусском искусстве, одни и те же схемы часто повторялись, но они никогда не определяли, не исчерпывали сути

Барваринская церковь в Яндомозере. 1650 г.

художественного произведения. Стоит присмотреться к яндомозерской церкви, чтобы увидеть ее своеобразие. У нее иные пропорции: главный шатер и колокольня гораздо дальше отстоят друг от друга, и поэтому звонница получает большую художественную самостоятельность. Нет высокого подклета — потому стал сильнее контраст между огромными шатрами и довольно низкой трапезной. Два крылечка ведут с юга и севера к сеням трапезной. Церковь в Яндомозере скромнее, проще, чем торжественное типиницкое здание.

У Варваринской церкви есть еще одно важное отличие. В недавние годы при реставрационных работах с нее была снята поздняя тесовая обшивка, и полностью открылись древние бревенчатые срубы. Велико наслаждение любоваться их пластикой, их живой и неровной поверхностью, игрой теней на уходящих вверх венцах, даже просто цветом потемневшего серебристого дерева. Тут в полной мере ощущаешь, ка-

кую огромную роль играла в северном зодчестве фактура дерева: она была одним из важнейших слагаемых архитектурного образа.

Выразительна каждая часть яндомозерской церкви. Прекрасна алтарная апсида с фигурной «бочкой» и резными кровельными досками, заменившими здесь привычный лемех. Но, пожалуй, больше всего запоминается колокольня. Ее цоколь невысок, невелики и пролеты звонов. Доминирует восьмигранный сруб, завершенный стройным шатром.

Суров облик Варваринской церкви. В ней сильно эпическое начало. Эта особая эмоциональная настроенность во многом зависит от яндомозерского пейзажа, от старых берез, растущих у крыльца, от свинцовых волн озера, от всех неярких красок северной природы, выявляющих скупую красоту старинных бревенчатых стен. Когда всматриваешься в мощные церковные срубы и башни, в памяти возникают образы древних русских крепостей.

Считается, что Варваринская церковь построена в 1650 году. Раньше внутри сохранялся памятный крест с надписью об освящении храма в этом году. Мы знаем, что на протяжении веков северные церкви нередко сменяли одна другую, и нет полной уверенности, что крест не мог остаться от предшествующей постройки. Но какова бы ни была дата яндомозерского памятника, он принадлежит к самым лучшим произведениям северной архитектуры.

Из Яндомозерского погоста можно на лодке доплыть до северной оконечности озера. Там в деревне Мэрковщина есть поздняя часовенка. Она расположена среди поля, под двумя большими елями. Дальше можно пройти или, если удастся, проехать снова на восток. По сторонам дороги, вокруг деревень, много широких возделанных полей. Недаром деревни носят старинные выразительные названия: Высокая Нива. Великая Нива, Широкое Поле, или даже просто Поля. Деревни здесь часты и сравнительно невелики, но интересны характерным северным обликом своих изб. Почти в каждой есть часовни, выстроенные, можно думать, не раньше прошлого столетия, но как всегда привлекательные своей миниатюрностью и удивительной слитностью с пейзажным фоном. Здесь недалеко — деревня Поля, с переделанной, но все еще стройной Сретенской церковью, к которой примыкает традиционная шатровая колокольня.

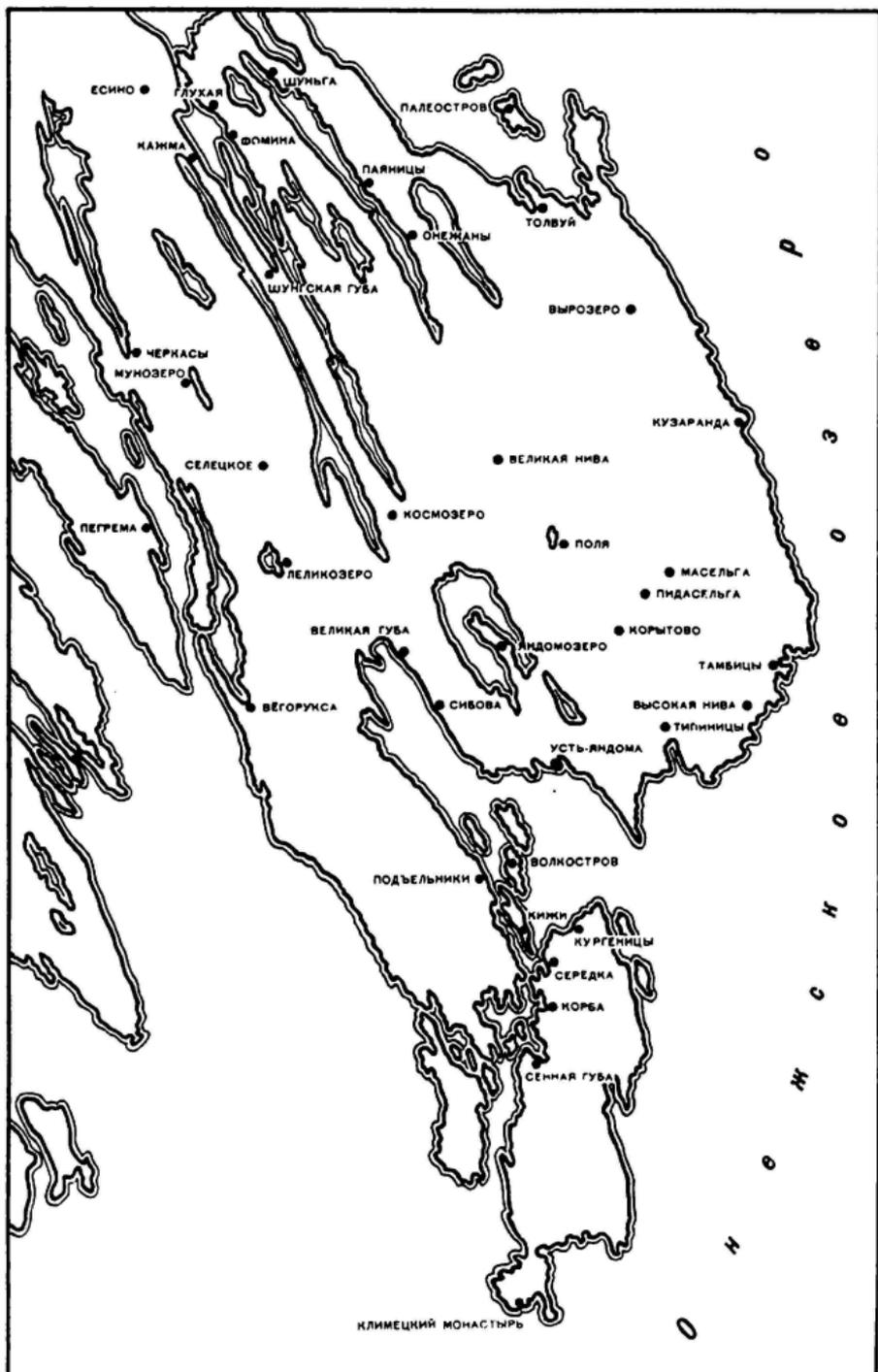
*Барваринская церковь.
Апсида*

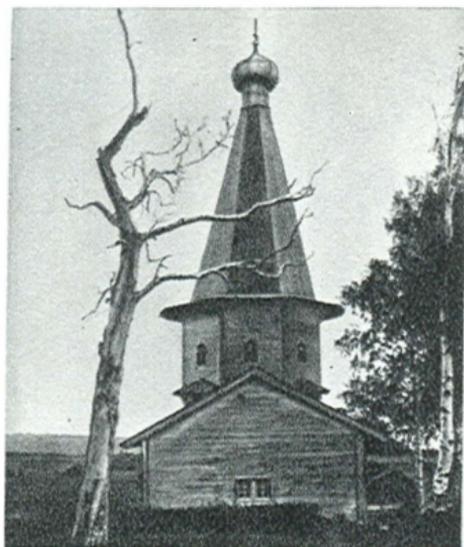
*Заонежье. Схематиче-
ский план*

Дорога из Полей приведет в Тáмбицы — большое село на берегу Онежского озера. Там стоит Никольская церковь, построенная, как считается, в XVII веке. Хотя здание и искажено тесовой обшивкой, к тому же еще побеленной в подражание штукатурке, все же можно угадать первоначальную согласованность его пропорций и непринужденную живописность общей композиции. Тамбицкая церковь гораздо проще недавно виденных зданий в Типиницах и Яндомозере. Она небольшая, клетская, главная часть крыта на два ската, шатровая звонница невысока. Тамбицкая церковь относится к числу построек, которые составляют как бы переходное звено между монументальными храмами погостов и скромными деревенскими часовнями.

Внутреннее убранство Никольской церкви не сохранилось. Ее иконы перевезены в Кижы и составляют основу реконструированного иконостаса кижской Покровской церкви.

*Успенская церковь
в Космозере. 1720 г.*

Из Тамбиц недалеко до Кузаранды и Вырозера, куда можно попасть моторной лодкой или катером по Онежскому озеру вдоль берега к северу. В Кузаранде — большом береговом селе — когда-то стояла замечательная шатровая деревянная церковь Рождества богородицы (1765 г.) — одна из лучших в Заонежье. К сожалению, она полностью разрушена, и ее можно представить лишь по рисункам и фотографиям начала нашего столетия.

Места эти известны больше всего тем, что здесь родилась и жила знаменитая сказительница, «вопленица» Ирина Андреевна Федосова (1831—1899). «Плачи» Федосовой, навеянные тяжелой крестьянской жизнью, то лирически-проникновенные, то трагические, были записаны крупным русским фольклористом Н. Н. Рыбниковым и известным краеведом Е. В. Барсовым и впервые опубликованы в 1870—1880-х годах. Они произвели огромное впечатление на современников. Ими

восхищался Некрасов, а позднее — Римский-Корсаков, Шаляпин, бывавшие на ее публичных выступлениях. Именно о Федосовой рассказывает Горький в «Вопленице». Еще не так давно в здешних деревнях были старики, помнившие Федосову. В Кузаранде и Вырозере и теперь не исчезла высокая культура народной поэзии. До сих пор здесь можно встретить людей, сохраняющих в своей памяти произведения старинного фольклора.

Но вернемся в центр Заонежского полуострова, на его главную артерию — шоссе, идущее из Великой Губы на север между внутренними озерами и заливами Большого Онега. Там находится село Косозеро. Когда-то маленькая деревня на земле Спасского Кижского погоста, упомянутая среди других писцами XVI века, Косозеро постепенно разрослось и превратилось в «выставку». Так назывались села, имеющие церковь, но еще зависящие от главного селения погоста.

Никольская церковь в Вёгоруксе. XVII—XVIII вв.

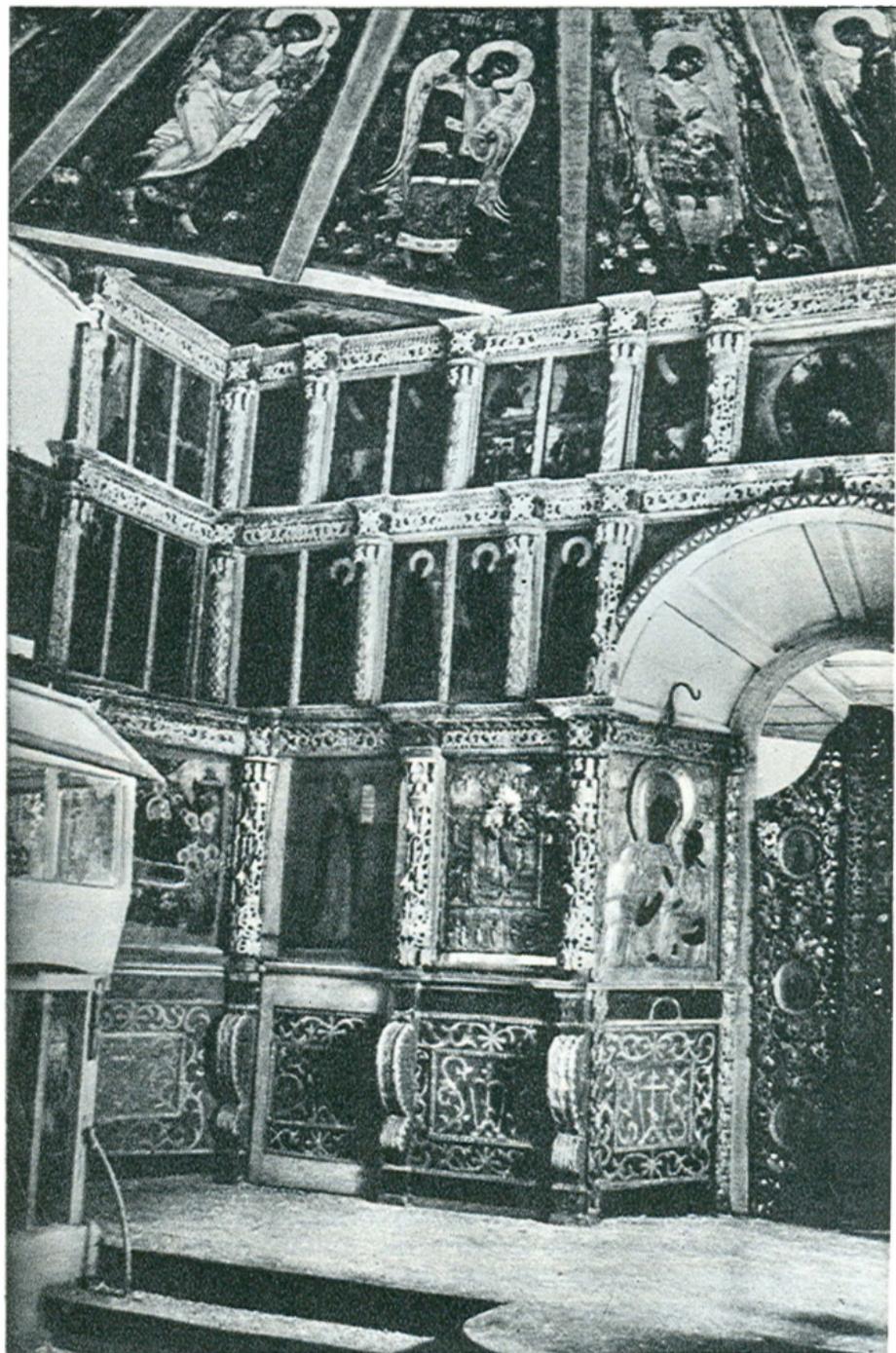
Интерьер Никольской церкви

К XVIII веку оно стало центром большой округи. От этого времени сохранилась Успенская церковь (1720 г.), запоминающаяся своим стройным шатром, стоящим на сравнительно невысоком восьмиграннике. Это здание — единственное, что осталось от архитектурного ансамбля, сложившегося здесь в XVIII веке. Рядом с зимней Успенской церковью стояла летняя, тоже шатровая церковь Александра Свирского (1770 г.) и высокая колокольня. Эти три сооружения, отнюдь не повторявшие друг друга по пропорциям, составляли красивейший комплекс, который мог соперничать с самыми известными архитектурными ансамблями Севера.

В Косозере раньше жило несколько семей местных художников, в том числе целая династия Абрамовых. Когда-то они писали иконы для окрестных церквей, а в советское время расписывали орнаментами домашнюю утварь — сани, дуги, ставни, прялки, деревенские посудные шкафчики. Последним из художников был

Иван Михеевич Абрамов, умерший уже после Великой Отечественной войны.

Чтобы осмотреть западную часть Заонежья, придется вернуться в Великую Губу. Широкая дорога ведет отсюда в Вёгоруксу. Внезапно расступятся сухие сосновые боры и внизу откроются ярко-синяя бухта Онежского озера, серые скалы, ступенчатые береговые террасы, и на одной из них — поле, деревня и старинная церковь.

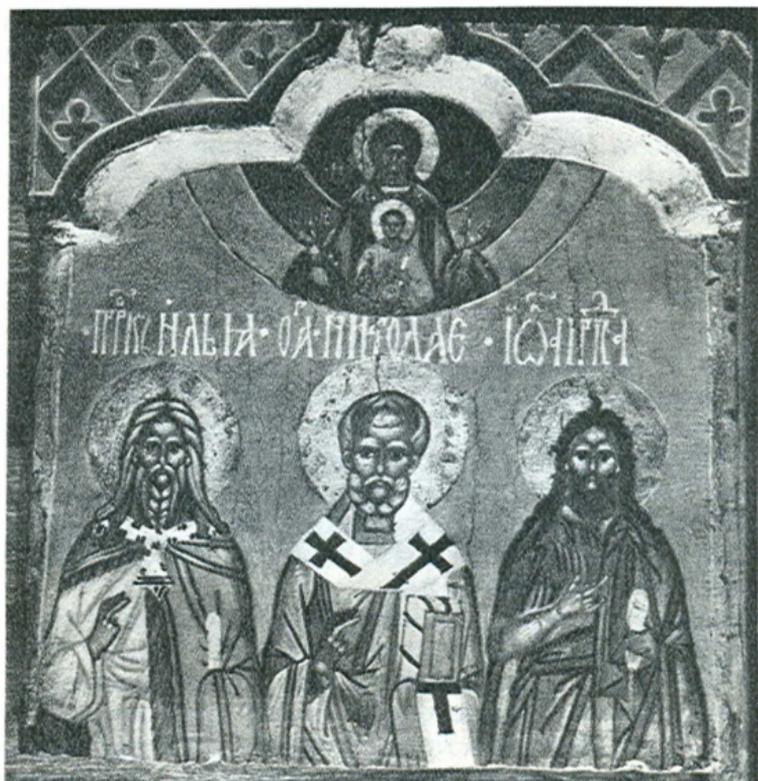
Сейчас Вёгорукса лежит в стороне от больших путей, кажется затерявшейся среди лесного моря и человеку, впервые сюда попавшему, представляется неожиданным оазисом. Но если заглянуть в исторические документы и старинные описания, то окажется, что это одно из самых древних сел Заонежья. В XV веке оно принадлежало крупному новгородскому боярину Федору Остафьевичу Глухову. В следующем столетии здесь было уже несколько деревень. Они объединялись

*Илья, Никола, Иоанн
Предтеча. Средняя часть
иконы-складня из Вёго-
руксы. XV в. Гос. Русский
музей*

под общим именем Вёгоруксы, но имели свои названия, очень типичные для здешних мест: «На поле», «Бережное», «В Большом дворе». Последнее название часто встречалось в древнем Заонежье. В такие «большие дворы» приезжали из Новгорода боярские наместники и ключники для сбора податей. Вёгорукса была важным пунктом на древнем пути из Новгорода к Белому морю. На кораблях из Шуи (около Петрозаводска) плыли по Онежскому озеру в Вёгоруксу, а отсюда двигались уже посуху к Великой Губе и дальше на север.

Нет сомнений, что здешняя церковь осознавалась путниками не только как культовое сооружение, но и как значительная веха на трудном и долгом пути, маяк, возвещающий пристань плывущим кораблям, как собирательный образ большого берегового села. Многогранное значение памятников северного деревянного зодчества чувствуется в Вёгоруксе как нельзя лучше.

Существующая Никольская церковь была возведена приблизительно в XVII—XVIII веках, сменив собою более ранние постройки. Основные архитектурные элементы, из которых слагается это клетское здание с маленькой главкой, пятигранной апсидой и обширной трапезной, были хорошо знакомы в заонежском зодчестве. Вспоминаются церкви в Полях, Тамбицах. Но нигде не встретить столь внушительной мощной звонницы. Она господствует над церковью, и в этом есть большой художественный смысл. Именно такие архитектурные формы — могучая башня и высокий шатер — способны наиболее полно и обобщенно выразить важное общественное значение, какое имела церковь в этом селе.

Интерьер здания при первом впечатлении поражает своим блеском, великолепием, декоративной нагруженностью. Резной иконостас и царские врата сверкают позолотой. На стенах много икон, «небо» украшено

росписью. Но в этом убранстве нельзя не заметить разностильности. Если роспись «неба» сохраняет ясность крупных форм, четкость ритма, силу цвета и органично сочетается с простыми деревянными стенами, то позолота иконостаса вносит иной, несколько чужеродный привкус.

Нельзя не сказать несколько слов о заонежских резных иконостасах. Они необычны. Не случайно так трудно разобраться в этих памятниках, если подходить к ним с общей меркой, с позиций общерусского искусства. Нелегко установить даже время их создания. Мотивы резьбы в Вёгоруксе как будто бы указывают на XVIII век: виноградные лозы и гроздья, крупные завитки. Эти формы словно пришли из пышного стиля столичного барокко. Но легко заметить, что в Никольской церкви резьба выглядит более сдержанной, упорядоченной. Поэтому не исключено, что перед нами произведение XIX века. Резные иконостасы Заонежья еще ждут своего исследователя.

В помещении Никольской церкви в Вёгоруксе было найдено несколько древних икон XIV—XV веков. Они были не в большом иконостасе, а на стене трапезной. Вероятно, эти иконы остались от более ранних здешних церквей, и их бережно перенесли в существующую новую постройку. Если вспомнить, насколько старинным селом является Вёгорукса, то такие древние находки не покажутся удивительными.

Самая ранняя из икон — «Апостол Петр», — судя по манере, написана в XIV или начале XV века местным мастером. Совсем небольшая, она выглядит необычайно монументальной. Эта икона, вероятно, происходит из композиции деисусного чина, украшавшего здешнюю церковь или часовню.

Среди обнаруженных произведений есть и работа новгородского художника XV века: икона с изображением богородицы и трех святых. Она составляла среднюю часть небольшого трехстворчатого складня, какие в старину, видимо, брали с собой в дорогу, и могла быть привезена сюда еще в «новгородское» время. В этой миниатюрной иконке есть четкость построения, смелость рисунка и яркая красочность. Новгородские произведения такого типа должны были, наверное, очень нравиться жителям Севера, склонным ко всему простому, ясному, выразительному.

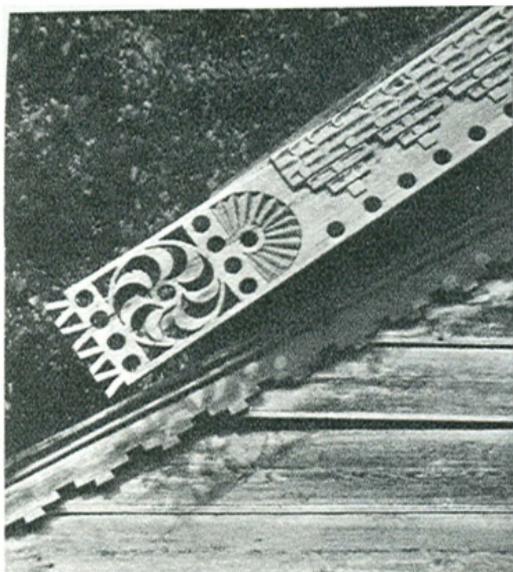
Путь из Вёгоруксы лежит на север, к большому селу и пристани Ламбас-Ручей. Отсюда можно пере-

*Дмитриевская часовня
в Селецком. XVIII в.*

плыть на лодке мимо Мижострова на другую сторону Онежского залива, чтобы полюбоваться изысканным силуэтом маленькой часовни в деревне Пёгрема. Особенно красива она тихой белой ночью, когда ее очертания с графической четкостью рисуются на зеленоватом небе и отражаются в светлой озерной воде.

Если вернуться на заонежский берег и продолжить путь на север, то не миновать деревни Селецкое. Ее избы свободно и живописно расположились по сторонам дороги. Тут же — Дмитриевская часовня, срубленная, по некоторым сведениям, в XVIII веке. На первый взгляд она разительно напоминает постройку из Лелик-озера, стоящую в Кижях. Тот же двойной уступ кровли, невысокая трапезная, изящная звонница. Лелик-озеро находится сравнительно недалеко от Селецкого, и, очевидно, мы имеем дело с маленькой архитектурной школой, сложившейся в нескольких соседних деревнях. Но эти здания — не точные копии друг друга,

*Дмитриевская часовня.
Конец резной причелины*

а свободные вариации одной темы. В селецкой часовне своеобразны и крутой повал восьмерика звонницы, и резные доски на фронтонах и гребне кровли. Хорошая сохранность деталей декора делает Дмитриевскую часовню особенно ценным и редким памятником. Интересен и ее иконостас, перевезенный сейчас в Петрозаводский музей. Он был очень скромным, тябловым, и, по весьма древнему обычаю, состоял из двух ярусов, чем резко отличался от виденных нами грандиозных многоярусных иконостасов больших церквей.

Проходя по селу, нельзя не заметить одну из селецких изб, стоящую вблизи часовни. Фасады ее жилой части несколько напоминают провинциальный усадебный дом. И в общей композиции главного фасада, где традиционная светелка выглядит мезонином, и в подчеркнута изящном декоре очень много отголосков позднего классицизма. Тесовая обшивка фасадов образует нейтральный фон, на котором четко выделяются де-

Дом в Селецком. XIX в.

коративные детали: строгие наличники, горизонтальный фриз из досок в елочку, резные доски — «гирлянды». Во всем этом отразились формы и мотивы классической каменной архитектуры, проникшие на Север и по-своему воплощенные в дереве. Но стоит взглянуть на причелины и полотенце фронтона и особенно на простой бревенчатый сруб двора, объединенный общей крышей с жилой частью, как мы снова возвратимся в стихию северных архитектурных традиций, в суровый мир деревенского зодчества.

Дом в Селецком, с его суховатым и плоскостным убранством, вряд ли может по художественному уровню состязаться с лучшими образцами заонежских изб. Но он раскрывает перед нами своеобразие и редкое течение в местной архитектуре.

Совсем иначе выглядит старинная изба в расположенной неподалеку от Селецкого деревне Мунозеро. Не совсем обычная по плану (к' дворовой половине

Дом в Мунозере. XVIII—
XIX вв.

пристроен дополнительный сруб), она обладает всеми достоинствами северного деревенского строительства. Ее общие массы крупны, четки и ясны; фасады жилой части приветливы и нарядны; стены двора суровы и глухи. Мунозерской избе присуща в полной мере та пластичность, которая столь привлекательна в деревянном зодчестве. Выразительная, живая поверхность бревенчатых стен, мягкие тени под навесами крыльца, балкона и вокруг оконных наличников — все это делает постройку почти скульптурной.

Среди нескольких деревень вокруг Мунозера выделяются Черкасы. По преданию, это странное для Севера название появилось в начале XVII века, когда здесь стояли отряды запорожских казаков, входивших в войска польско-литовских интервентов и именовавшихся тогда черкасами. Крошечная часовня сооружена в этой деревне сравнительно недавно, может быть, в прошлом столетии. Но она замечательна своей ми-

*Часовня в Черкасах.
XIX в.*

ниатюрностью и предельной простотой. Постройка сродни знаменитой Лазаревской церковке, только выглядит еще более скромной. На северном фасаде, рядом с крыльцом, сохранилось маленькое косячатое оконце, сделанное в старинных традициях и скупо украшенное невысоким фронтоном.

В этой же деревне примечателен дом Абакумовой. Его первоначальное резное убранство сильно пострадало от времени, но монументальность общих пропорций позволяет сразу узнать старинную постройку.

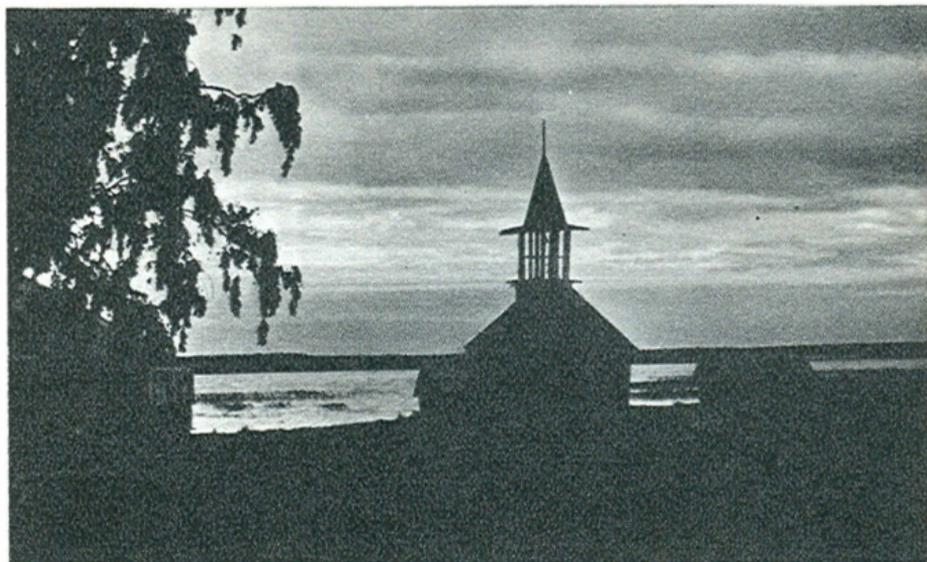
Если вернуться вновь на большую дорогу Заонежья, идущую по перешейку от Космозера к северу, то нельзя не зайти в деревню Шунгская Губа, стоящую чуть в стороне от тракта. Облик этой деревни навсегда остается в памяти. Ее избы лепятся на берегу узкого залива, среди голых серых скал, на крутом обрыве. В ветреную погоду волны внизу с ревом бьются о камни, оставляя на них пену. Нигде больше

Дом Абакумовой в Черкасах. XVIII—XIX вв.

в Заонежье нет деревни, которая бы выглядела столь сурово.

Северная часть Заонежского полуострова не сохранила памятников монументального зодчества. Но здешние небольшие деревянные часовни XVIII—XIX веков, подобно прежде виденным, увлекают разнообразием художественного решения. Варваринская часовня в Есине запоминается широким и парадным двухвсходным крыльцом на резных столбах, постройка в Горской Мельнице — редкостной миниатюрностью, часовня в деревне Фомина — удачным местоположением. Она стоит на низком берегу озерной губы, и с пригорка, от деревни виден просвечивающий силуэт ее шатровой звонницы. Фоминская часовня еще раз показывает, какую большую роль играет в северном зодчестве пейзажный фон. Даже сравнительно поздние, угловатые по очертаниям постройки, как в Фоминой, производят сильное впечатление.

*Часовня в Фоминой.
XIX в.*

Удивительно слитны с природой не только северные часовни и церкви, но и избы, и даже второстепенные хозяйственные сооружения. Может быть, в последних случаях это и не было следствием тонкого художественного расчета. Взять, например, бани — эту неотъемлемую деталь северного деревенского пейзажа. Из практических соображений они ставились непременно у воды, на берегу реки или озера. Есть что-то трогательное в их скромных, элементарно простых срубах, глядящихся в воду у береговых камней и камышей. Их простые очертания естественно и органично вписываются в линии сурового пейзажа, а обнаженные бревна стен составляют как бы часть самой природы.

Неподалеку от Фоминой есть еще несколько старинных деревень. Среди них примечательны Онéжаны, где мы встречаемся с необычным сооружением. Рядом с церковью — поздней, перестроенной и потому

Баня в Паяницах

неинтересной, сохранились ворота церковной ограды. Двускатная кровля держится на опорах, странно напоминающих обобщенно переданную человеческую фигуру — образ, широко известный в крестьянском искусстве Севера. Напряженные, прогибающиеся очертания «рук» словно передают тяжесть лежащего груза. Этот мотив вызывает в памяти фигурные столбы в трапезной кондопожской церкви. Но здесь, в Онежанах, он представлен в более простой и откровенной трактовке. Примитивная деревенская изгородь своими строгими прямыми линиями подчеркивает декоративность входа и архитектурную выразительность его силуэта. Старинные ограды теперь уже мало где сохранились, поэтому памятник в Онежанах особенно ценен.

Северная часть Заонежья в древности входила в земли Шунгского Никольского погоста. Село Шуньга — сейчас одно из крупнейших на полуострове. На

*Ворота церковной ограды
в Онежанах*

протяжении нескольких веков Шуньга славилась своими громадными ярмарками. Они устраивались регулярно по два раза в год зимой. Большие санные обозы направлялись сюда из самых отдаленных мест. На побережье Белого моря, в рыбацких поморских селах можно до сих пор встретить людей, вспоминающих о своих путешествиях в молодости «в Шунгу». Поморы везли соль, издавна добывавшуюся там из морской воды, и рыбу. Северные охотники привозили редкие и ценные меха. Из центральных областей доставляли хлеб, столь нужный на неплодородном Севере.

Заонежане, издавна славившиеся мастерством обработки железа, которое они добывали из местных болотных руд, продавали уклад (мягкое железо), специальные противни — црены для выпаривания соли на поморских соляных варницах, кижские ножи, замки и даже ружья. Здесь торговали и произведениями народного искусства — расписными санями, дугами,

*Заонежская вышивка.
Двусторонний шов. XIX в.
Гос. Русский музей*

прялками, и больше всего — знаменитыми заонежскими вышитыми изделиями. Произведения заонежских мастериц в изобилии привозились на шунгскую ярмарку и оттуда растекались по всему северному краю. Особенно много их покупали поморы, не имевшие своего льна, и потому не удивительно сейчас в рыбацком беломорском поселке вдруг найти нарядное заонежское полотенце или рубаху.

Местные товары покупались и столичными купцами, отправлявшими их в Петербург, Москву и по всей России. Ярмарки были многолюдными и превращались в большой и радостный праздник. О размахе торговли говорят размеры находившегося здесь гостиного двора: он состоял из четырехсот лавок. Весь год они стояли пустыми и оживали лишь в дни ярмарок. Гостиный двор был деревянным и сгорел в начале нашего столетия. Тогда же начали терять свое значение и шунгские ярмарки. Железные дороги, проложенные

Заонежская вышивка.
Строчка «по перевити»,
«тамбур». XIX в.
Гос. Русский музей

к Мурманску и Архангельску, позволили перевозить товары проще и быстрее.

Шуньга была и одним из крупных центров вышивального искусства. Древнее искусство народного шитья было в Заонежье широко распространено. Почти в каждом деревенском доме можно было увидеть замечательные домотканые полотенца, рубахи, подзоры простыней, мастерски вышитые крестьянками. Эти вещи считались парадным приданым и бережно сохранялись в семьях. Самый старый, традиционный тип вышивки — так называемый двусторонний шов. Местные жители называют его досельным, то есть прежним. Узор исполняется на белой льняной основе красной нитью. Совершенно одинаковые стежки ложатся как на лицевую сторону, так и на изнаночную. Прекрасны и вещи, украшенные иными способами: «тамбуром», «по вырези», «по перевити». Последняя вышивка очень изящна. Путем выдергивания нитей

тканая основа превращается в ажурную сетку, скрепленную другими, перевивающими ее нитями. На фоне сетки белой ниткой делается узор. Он кажется особенно легким и воздушным.

Заонежская вышивка не была искусством застылым. Из века в век обогащались ее технические разновидности, появлялись новые стилистические оттенки. Но в ней очень долго жили традиционные орнаментальные мотивы, рожденные народной фантазией в бесконечно древние, еще дохристианские времена. Мы находим здесь сказочных птиц и животных, видим коней и всадников, замерших в немом ритуале по сторонам женской фигуры — языческой богини. Эти изображения особенно часто встречаются в вышивках досельным швом, но сохраняются и в других, более поздних видах шитья. Они имеют большое значение для понимания древних народных верований.

Мастерицы Заонежья выработали на протяжении веков приемы, отличавшие их искусство от изделий других русских областей и соседних северных районов. Вышивки Заонежья почти никогда не бывают многоцветными. Они исполнялись по белому льняному фону красной, а иногда даже белой нитью. Контуры узоров изящны и тонки. Поэтому вещи в целом создают ощущение благородной сдержанности, даже хрупкости.

Памятники заонежского шитья хранятся во многих крупных музеях и составляют гордость музейных коллекций. Художественное значение заонежской вышивки было оценено в России до революции. В 1905—1925 годах как раз в Шуньге находился пункт Общества помощи ручному труду, где скупали местные изделия. Работы мастериц пользовались большим спросом и широко вывозились за границу, главным образом в Америку. В наше время в Шуньге существует артель «Заонежское кружево». К сожалению, хороших вышивальщиц и кружевниц в Заонежье становится все меньше. Будет печально, если это тонкое искусство угаснет.

Шуньга — последнее крупное село на севере Заонежского полуострова. Ею кончается тихое Заонежье, этот необыкновенный край, на редкость насыщенный древними произведениями искусства и воспринимающийся в целом как огромный и сложный памятник старой северной культуры.

5. На Выг

С шунгской озерной пристани пароход направляется в Медвежьегорск. Это большой, в масштабах Карелии, промышленный город, с лесопильным заводом, с шумной железнодорожной станцией, с совсем иным, чем в Заонежье, более активным жизненным ритмом. Город вырос в советское время из маленького поселка у подножия Медвежьей горы. Он живописно расположен и весь наполнен смолистым запахом соснового леса, растущего на окрестных горах.

Вдоль берега озера дорога идет на юго-восток, к Повенцу. В старину Повенец был большим селением, точнее, особым торговым поселком — «рядком», какие вырастали вдоль торговых путей Обонежья. Здесь еще в XVI веке стояли амбары купцов, скупавших соль, рыбу и меха. Отсюда, через Онежское озеро, шел трудный путь к Белому морю по порожистым рекам, лесам и болотам. «Повенец — свету конец» — говорили поэтому раньше. Как раз севернее Повенца начинался глухой и малонаселенный «край непуганых птиц», поэтически описанный М. М. Пришвиным.

Особенно известен стал Повенец в годы Северной войны, когда Петр закончил здесь в 1702 году «Осудареву дорогу», проложенную по лесам и болотам Карелии от самого Белого моря до Онежского озера. Русские корабли, перетащенные с Севера волоком, были спущены на воду в Повенце и направлены к местам сражений со шведским флотом — на Неву. Как память о далеком прошлом, в Повенце стояла деревянная

Петропавловская церковь 1761 года, выделявшаяся изящными очертаниями своего шатра.

Во время Великой Отечественной войны весь старый Повенец был уничтожен. Здесь проходила линия фронта и шли жесточайшие бои. Сейчас это новый, вполне современный рабочий поселок. Недалеко от него начинается Беломорско-Балтийский канал.

В деревнях, расположенных вокруг Медвежьегорска и Повенца, на смену непосредственным художественным впечатлениям от живых, сохранившихся и стоящих перед нами архитектурных сооружений приходят исторические воспоминания. В отличие от Заонежья, здесь почти не осталось художественных памятников минувших эпох. Но история этих мест так драматична, что вся земля здешняя стала священной. Она полита кровью и осыпана пеплом.

Этого края близко коснулись события церковного раскола XVII века — одной из самых трагических страниц русской истории. Напомним, что реформа патриарха Никона затрагивала на первый взгляд лишь внешние, обрядовые стороны культа. Однако никоновские преобразования всколыхнули Русь, раскололи ее на сторонников и противников новшества. Среди северных крестьян протест против реформы нашел особенно сильный отклик. Привычные к устойчивым, патриархальным, внешне неизменным, вековым жизненным и религиозным нормам, они видели в разрушении «древлего благочестия», изменении церковных обрядов причины своих несчастий, обострявшейся нищеты и тысячами примыкали к расколу.

Случилось так, что огромный Соловецкий монастырь в 1666 году полностью перешел на сторону раскола. Туда, к Белому морю, потянулись сторонники старых обрядов со всей Руси. То в одиночку, то группами шли они через Заонежские погосты. Когда же в 1676 году монастырь был разгромлен, то успевшие спастись от казни искали приюта в дремучих северных лесах.

Особенно много крестьян перешло на сторону раскола в Шунгском, Толвуйском и Чёлмужском погостах. Оплотом же старообрядцев стал в 80-х годах XVII века Палеостровский монастырь. Он расположен на острове Палье, в Повенецкой губе Онежского озера, около Толвуя и Шуньги. Предание рассказывает, будто он основан еще в XII веке иноком Корнилием, уроженцем Пскова. Эту легенду не подтверждают сохра-

нившиеся документы, но монастырь действительно был одним из древнейших в крае. Он безусловно существовал уже в начале XV века. Одно время там жил инок Зосима, происходивший из местных толвуйских крестьян и ставший потом одним из основателей Соловецкого монастыря.

К XVII веку монастырь разросся, приобрел немалые земельные владения. Облик его, судя по тогдашним описаниям, был для тех мест весьма внушительным. Три церкви и множество других построек, жилых и хозяйственных, были обнесены прочной оградой. Именно здесь, в старинном деревянном монастырьке и суждено было произойти событиям, ставшим по драматичности своей как бы кульминацией, высшим выражением движения раскола. Речь идет о знаменитых палеостровских самосожжениях.

Зимой 1687 года, преследуемые отрядами хорошо вооруженных царских солдат, сюда, в Палеостровский монастырь, стекались сотни старообрядцев. Они шли из окрестных береговых погостов, по озерному льду, на лыжах. Монастырь был окружен стрельцами. Началась осада. Опасаясь вооруженного отпора, солдаты выставили вперед для защиты от пуль возы с сеном. Раскольники неделю сидели в монастыре без воды и пищи. Наконец, войска приступили к штурму. Им быстро удалось ворваться в монастырь, перекинув лестницы через сравнительно невысокую ограду. Осажденные засели в своем последнем оплоте — в церкви. Чтобы никто не мог попасть туда, они сломали ступени высокого церковного крыльца, а переносные лестницы, по которым сами вошли, подняли с собой. Солдаты, расставив пушки на монастырской стене, начали почти в упор стрелять по бревенчатому срубу церкви. Потом бросились на штурм, секли деревянные стены топорами. Поражение раскольников стало неминуемым. Именно в этот момент церковь загорелась: по старообрядческим легендам, якобы от сотрясения упали свечи, возжженные перед иконами. Но, скорее всего, здание сознательно подожгли учителя и наставники раскольников. Огонь почти мгновенно охватил церковь, пылающие бревна рухнули и погребли под собою всех осажденных.

По рассказам, их было 2700 человек. Наверное, эта цифра преувеличена: вряд ли поместилось бы столько народу в деревянной церкви, да и можно ли было всех сосчитать. Но катастрофа, безусловно, была огромной.

Легенды, пусть даже смутные и неопределенные, позволяют уловить истинные причины трагедии. Раскольники боялись предстоящих пыток, опасались не вынести мучений и отступить от «древлеотеческого благочестия». Охваченные экстазом, они уподобили себя трем библейским отрокам, погибшим за веру в «пещи огненной», и предпочли смерть, открывавшую якобы путь к вечному блаженству.

Еще одна «гарь», при очень похожих обстоятельствах, произошла в том же монастыре через полтора года, 23 ноября 1688 года. По всему Северу пылали в ту пору страшные костры, но ни один из них не может сравниться с самосожжениями в Палеостровском монастыре.

В пожарах погибли все древние монастырские здания. В конце XVIII — начале XIX века обитель была отстроена заново. В 1795 году возвели маленькую деревянную церковь Ефрема Сирина, а в 20-х годах XIX века — каменный собор Рождества богородицы. Возникли деревянные и каменные кельи. Однако попытка возрождения не удалась. Монастырь захирел и никогда уже не обрел былого значения. Сейчас его здания полуразрушены; на острове тихо, пустынно; но, когда вспомнишь о минувшем, жутко становится ступать по этой земле.

Если вернуться с острова Палье на восточный берег озера и направиться в сторону села Данилова, то мы окажемся в местах, связанных с последующими страницами истории раскола. Это край бывших Выгорецких скитов, знаменитый раскольнический сузёмок. Сузёмком на Севере называют глухие, малонаселенные лесные края, расположенные, как правило, на водоразделах между сравнительно обжитыми берегами больших рек и озер.

Район реки Выга и его притока Лексы и сейчас выделяется в Карелии своими особенно густыми и труднопроходимыми лесами, зловещими топкими болотами, трудными дорогами. Деревни — Лобское, Тихвин Бор, Данилово, Сергиево, Лекса, Кунас-озеро — расположены редко. В старину же край был совсем пуст и знаком лишь охотникам и звероловам. Не удивительно, что именно здесь стали искать убежища раскольники. Немало их погибло в зыбких мхах болот летом, замерзло во время метелей зимой. Сначала в этих местах селились отдельные семьи и одинокие иноки-пустынники. В 1694 году на Выге было создано «общежительство».

Деревня Сергиево у слияния Выга и Лексы

Его основателями стали Андрей Денисов и бывший дьячок из Шуньги Даниил Викулин. По его имени «общежительный скит» на Выге стал называться Даниловым. Выговский Данилов монастырь был мужским, а в 1706 году на Лексе была устроена и женская обитель.

Напрасно было бы сейчас искать остатки этих монастырей и многочисленных мелких скитов, разбросанных по сузёмку. На их месте стоят обычные северные деревни; некоторые из них разрослись (например, Данилов), другие же успели опустеть (например, Лекса). Дело в том, что в середине прошлого столетия, при Николае I, обострилось преследование старообрядцев. Многие скиты в 1855 году были закрыты, а их жители выселены. Сюда переселили православных крестьян из Псковской губернии. Указом было запрещено чинить старые монастырские постройки. Они постепенно ветшали и погибали «своей смертью». В начале

нынешнего столетия путешественники могли видеть в Данилове лишь полуразрушенные монастырские ворота на берегу Выга, группу раскольничьих могил на кладбище да несколько старых монастырских домов. Сейчас не найти и этого.

Казалось бы, что за дело нам сейчас до исчезнувших поселений фанатичных приверженцев старой веры? Однако каждый, кто хоть немного слышал о Выгорецких скитах, не останется равнодушным, очутившись в этом крае. Избы теперешних деревень уже перестроены, но деревни эти самим своим существованием могут служить памятником тяжкому труду первых поселенцев.

В Выгорецких скитах объединились выходцы из разных сословий, но больше всего там было северных крестьян. Именно они в тягчайших условиях примитивной, почти первобытной жизни, на первых порах совсем изолированные от окрестных районов, при своего рода бойкоте со стороны приверженцев новой веры, сумели освоить эти места. Они начали с землянок, пещер, лесных шалашей. Заставив расступиться чащу, они очистили места для нынешних деревень, пашен, сенокосных полей, проложили дороги от села к селу, устроили мосты через лесные ручьи.

Замечательная история скитов за первые полстолетия их жизни описана одним из местных старообрядцев Иваном Филипповым, крестьянином Шуйского погоста. Он назвал свою книгу «История о зачале Выговской пустыни, како зачася, и в коих летах, и от каковых жителей населися, и в ней о зачале двух обителей и разных скитов». По стилю изложения книга напоминает произведения допетровской, древнерусской литературы. Архаическая манера рассказа позволяет особенно остро воспринять живые и яркие описания реальных событий. С трогательной и наивной обстоятельностью крестьянина, знающего цену труду, автор сообщает о вырубке леса для пашен, о сооружении первых монастырских келий и церквей, об урожайных и голодных годах. Он описывает строжайший монастырский устав, восхищается умением местных ремесленников.

Известно, что хозяйство Выгорецких скитов с течением времени сильно разрослось. Раскольники построили на Лексе большую мельницу, перегородив реку плотиной, возвели кожевенные и кирпичные заводы (один такой завод был на месте теперешней де-

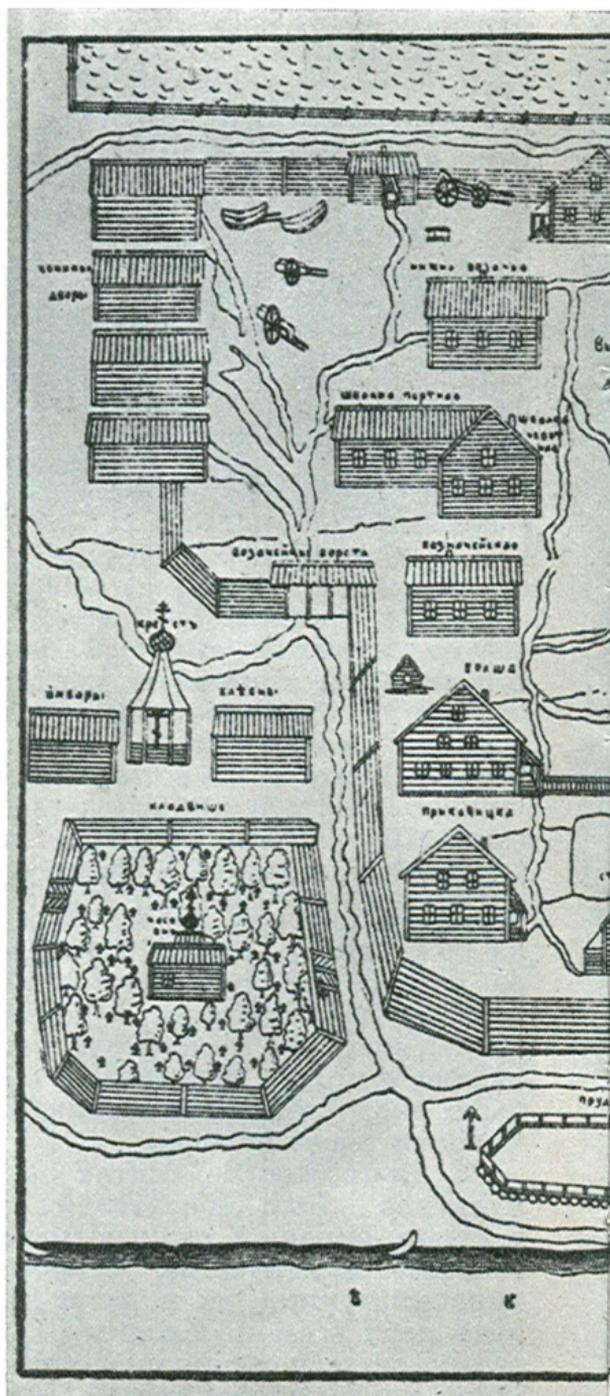

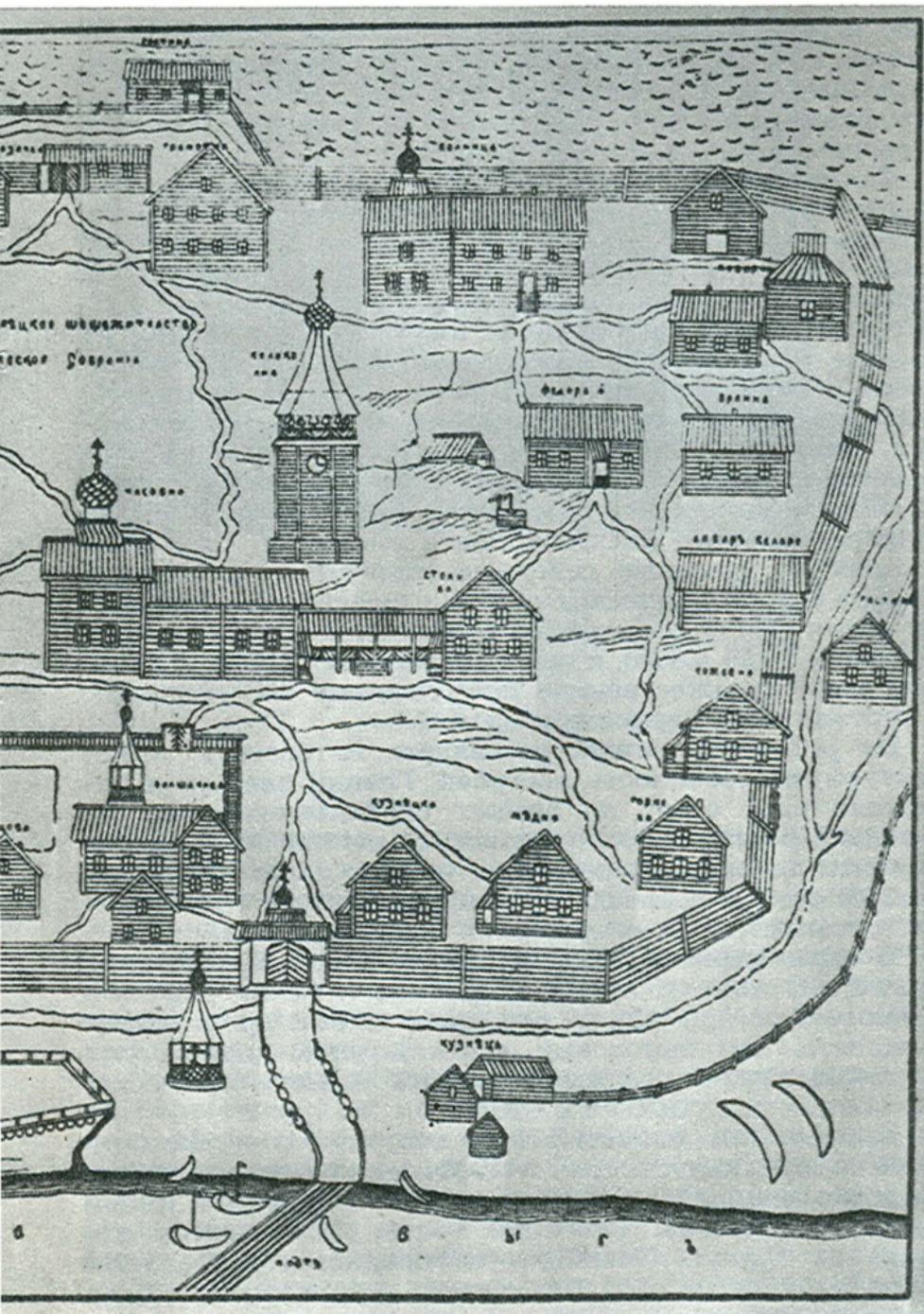
Амбар в Данилове

ревни Сергиево у слияния Выга и Лексы). Они организовали рыбную ловлю на Онежском озере, ходили на собственных судах за морским зверем в Белое море, развернули большую торговлю, для чего соорудили собственную пристань в деревне Пйгматка, недалеко от Чёлмуж. Особенного расцвета достигли скиты в середине и второй половине XVIII века. Тогда в сузёмке было около тридцати поселков, где жило больше семнадцати тысяч человек.

В Выгорецких скитах сложилась своеобразная культура. Быт обитателей сузёмка был аскетичен и суров, окрашен религиозным фанатизмом. Это сказалось и в искусстве. Старообрядцы не признавали «никонианских» икон, книг и должны были обеспечить себя всем необходимым. Здесь были мастерские, занимавшиеся иконописанием, перепиской и украшением книг, изготовлением церковной утвари. Многие в этих «художествах» было архаичным, устарелым.

Данилов монастырь.
Старинный рисунок

Они искусственно цеплялись за культуру старой, допетровской, дониконовской Руси. Но элементы живого народного, крестьянского художественного творчества придавали местным произведениям свежесть, яркость и разнообразие.

Сохранились старинные рисунки и иконы с видами Выговского (Данилова) и Лексинского общежителств. Пояснительные надписи около каждого здания позволяют представить монастырский быт и ремесла. В Данилове мы видим «кожевню», «кузнецку», «бронну», «медню», «горневу» (здесь лили медные изделия), конные дворы и др. Изображения эти дают возможность судить и об архитектурном облике монастырей. Высокие главки часовен, островерхие шатры колоколен, пестрая толпа келий, изб, гостиниц, амбаров и мастерских, разных по высоте и очертаниям, с пристройками и крылечками — все это составляло живописные, свободно раскинувшиеся ансамбли. Они были похожи на обычные северные погосты и монастыри. Только старообрядческие обители выглядели обширнее, их облик был более сложным. Жилых и хозяйственных построек было много, и они получали не только численное, но и художественное преобладание по сравнению с вертикалями церковных зданий.

На рисунках можно разглядеть интересную архитектурную особенность построек. Главки часовен и парадных врат стоят на особых постаментах — декоративных «бочках», возведенных на коньке кровли. Такая деталь сохранялась на стоявших еще в начале нашего столетия въездных воротах Данилова монастыря, и мы встретим ее в церкви села Чёлмужи.

В пропорциях, силуэте, очертаниях даниловских врат было что-то глубоко лиричное и тонко перекликающееся с грустным пейзажем этого края. Стоит пожалеть, что выговских монастырских зданий уже не существует и что мы не можем оценить изящество отдельных построек и их деталей.

Составители монастырских документов и «летописец» выгорецких скитов Иван Филиппов отмечают, что здешние здания, как правило, строили плотники из окрестных деревень. Особенно часто упоминаются мастера из Толвуя. Очевидно, выгорецкое строительство было теснейшим образом связано с заонежским деревянным зодчеством и, как можно судить по старым рисункам и фотографиям, составляло в XVIII столетии его особую ветвь.

Старинные ворота Данилова монастыря. Фото В. А. Плотникова. 1909 г.

Иначе обстояло дело с выговским иконописанием. Оно возникло не только из местных северных истоков, но впитало в себя и некоторые общерусские традиции. Раскольники, приходя в скиты со всей Руси, приносили с собой иконы, которым потом подражали здешние мастера. Среди пришельцев были и иконописцы из старинных художественных центров: Москвы, Ярославля, Вязников.

Особенно много художников жило в старину в скиту Березовом. Там иконописание составляло доходное дело, промысел для жителей. Не только выгорецкие, но и многие заонежские церкви были украшены их работами. К сожалению, выгорецких икон сохранилось очень мало, и они до сих пор лежат в музейных запасах, почти не привлекая внимания специалистов.

Зато выгорецкие рукописные книги можно увидеть во многих библиотеках. В скитах была устроена мастерская для переписки и украшения книг. Работали

в ней преимущественно девочки и женщины. Созданные здесь рукописи (их принято называть «поморскими») пользовались большим спросом и расходились сотнями по России. Широкие и яркие заставки, огромные узорные инициалы, вплетающиеся в четкие строчки текста, всегда помогают узнать выгорецкую книгу среди других рукописей. В их узорах чувствуется ориентация на гравюрные орнаменты московских печатных книг XVII века. Но убранство «поморских» рукописей более пышно, ярко, декоративно. Заставки и заглавные буквы обрели цвет, стали разрисовываться красками и золотом. В книжных страницах есть нарядность, пришедшая, очевидно, от местного народного творчества. «Поморские» книжные орнаменты стали столь популярны, что, в свою очередь, повлияли на крестьянское искусство многих районов Севера.

Рукописные книги изготовлялись на Выге не только в XVIII, но и в XIX веке. Облик их становился все бо-

*Страница из «поморской»
рукописной книги. XIX в.
Гос. Русский музей*

лее ослепительным и роскошным. Однако художественный уровень поздних рукописей снизился. В композиции книжных страниц появилась тяжеловесность и громоздкость, рисунок стал геометрически сухим, краски приобрели резкие, ядовитые оттенки.

Широко известно выгорецкое художественное литье. Там, в Данилове, отливали медные иконки, створчатые иконные складни, кресты, оклады евангелий, застежки для книжных переплетов, чернильницы, печати, пуговицы и много других светских и церковных предметов. Производство было массовым. Весь Север был буквально наводнен этими изделиями. Их продажа приносила скитам большой доход. И сейчас еще в крестьянских избах Севера можно найти множество образцов «поморского» литья. По сравнению с произведениями древнерусского искусства вещи эти суховаты, не столь пластичны. Но их немудреные формы, мягкий блеск меди, чистые краски вводимой иногда

«Поморский» литой складень работы мастера Ермолая Гаврилова сына Калинина. XVIII в. Гос. Русский музей

можно было встретить во многих городских домах. Не такой ли шкафчик — с Сирином и Алконостом, — принадлежавший семье Смоковниковых, описан А. Н. Толстым в «Хождении по мукам»?

Мало что можно найти сейчас в самих деревнях Выговского края. Все это ушло, рассыпалось, разбрелось по музейным коллекциям и книгохранилищам, а многое исчезло бесследно. Но раскольнический сузёмок оставил яркий след в истории русской культуры. Его искусство было своеобразным осколком старой Руси, хранителем древнерусских традиций. И вместе с тем оно было живым крестьянским творчеством.

Вблизи Выгорецких скитов сохранился лишь один крупный архитектурный памятник — церковь в Чёлмужах. Большое, широко раскинувшееся рыбацкое село Чёлмужи находится на берегу Онежского озера, у шоссе Медвежьегорск — Пудож. История села вновь возвращает нас ко временам Древней Руси. Тогда оно

было центром огромного округа — Петровского Чёлмужского погоста.

Может показаться удивительным, что это далекое, окраинное русское село стало причастным к политическим событиям и даже придворным интригам Смутного времени (начала XVII века), но это было так. Борис Годунов, вступая на царский престол, решил удалить всех своих возможных соперников, особенно влиятельных бояр Романовых. Он отправил их в ссылки и остроги по дальним концам Руси. Тогда-то, в 1601 году, и очутилась в заточении в этих краях боярыня Марфа Ивановна Стрешнева, жена Федора Никитича Романова, будущего патриарха Филарета. Ее поместили в Толвуе, на заонежском берегу, напротив Чёлмуж. Некоторые чёлмужские жители сочувствовали «заточенной инокине Марфе» и, несмотря на строгий запрет, помогали в сношениях с внешним миром. Когда же в 1613 году на престол был избран Михаил Федорович Романов, сын Марфы, то чёлмужские крестьяне и священник были в благодарность награждены небольшими «волостками» — земельными владениями. Это произвело сильнейшее впечатление на местных крестьян. В старину на Севере земля была общинной, и неожиданно появившиеся «бояре», да еще награжденные по грамоте самого царя, стали своего рода местной знаменитостью, хотя по уровню и образу жизни мало чем отличались от всех здешних крестьян. Потомки этих «бояр» были известны еще в прошлом веке, а о самих событиях долго жили предания, обросшие множеством подробностей, может быть и не всегда достоверных.

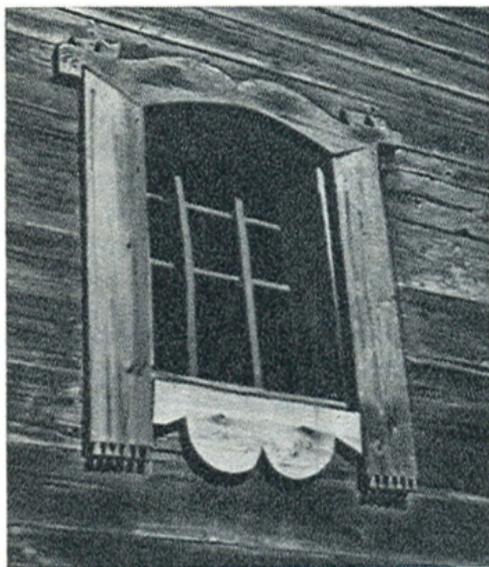
В Чёлмужах немало старинных изб, хотя и покосившихся, но производящих сильное впечатление своими мощными срубами и фигурными резными наличниками. Однако избы эти не старше прошлого столетия.

На берегу озера стоит Богоявленская церковь, остаток большого архитектурного ансамбля, украшавшего погост в древности. Время ее постройки установить нелегко. Из церковной «метрики» известно, что здание состоит из разновременных частей: колокольня выстроена позднее самой церкви. Все здание обычно относят к 1605 году, поскольку раньше здесь сохранялся памятный крест с надписью об освящении храма в этом году. Если надпись относится именно к существующей церкви, то перед нами — самая древняя из сохранившихся шатровых построек Обонежья.

*Богоявленская церковь
в Чёлмужах. 1605 г.*

По общей композиции Богоявленская церковь принадлежит к очень распространенному типу. Главная часть увенчана шатром, над трапезной высится шатровая колокольня. При взгляде на чёлмужскую церковь сразу вспоминаются монументальные постройки в Типиницах и Яндомозере. Но есть в ней много необычного, что заставляет несколько усомниться в древней дате. В старинном деревянном зодчестве наружный облик здания всегда отражал его план. Здесь же этот принцип нарушен. Главный шатер стоит наполовину над помещением самой церкви, а наполовину — уже над трапезной. Поэтому, глядя на шатер, можно подумать, что церковь внутри очень внушительна. На самом же деле ее помещение совсем маленькое. Эта особенность чёлмужской церкви может объясняться просто индивидуальным творчеством строителей. Но не исключено, что здание выстроено не в 1605 году, как принято думать, а позже, когда древние традиции уже

*Богоявленская церковь.
Наличник*

стали нарушаться. А может быть, это результат позднейших перестроек, которым, судя по документам, подвергалась церковь. Многие неясно в истории этой церкви. Неизвестно даже, как называлось теперешнее здание в старину. Когда в 1687 году раскольники напали на Чёлмужи, чтобы раздобыть старинные иконы, то здешняя церковь именовалась Петропавловской.

Здание имеет и своеобразный алтарь. Это не отдельный прируб, а часть церковного сруба. Алтарь перекрыт пологой двускатной кровлей, над коньком которой поставлена маленькая изящных очертаний «бочка» с главкой. Завершение алтаря совсем непохоже на крутые упругие линии алтарных кровель в Кондопоге и Яндомозере. Все изменилось, стало каким-то хрупким, причудливым, игрушечным. Фигурная «бочка» имеет чисто декоративный смысл и своей миниатюрностью немного напоминает уже несуществующие монастырские ворота на Выге.

Богоявленская церковь — одно из немногих произведений деревянного зодчества, где сохранились древние резные желоба — водостоки. Из их форм исходят архитекторы-реставраторы при восстановлении других памятников. Еще одна интересная деталь — окна. Расположенные равномерно и регулярно, кажущиеся особенно большими благодаря широкому обрамлению, они совсем непохожи на маленькие оконца древних церквей. Окна чёлмужского здания не подчеркивают массивности стен, а, напротив, скрадывают ее. В них отражены художественные вкусы новой, послепетровской эпохи, когда, очевидно, они и были сделаны. Их наличники, пусть даже и не очень древние — замечательный образец северной архитектурно-декоративной резьбы, всегда столь плоскостной и подчеркнута силуэтной. Северные мастера умели ценить графическую четкость резного контура и стремились не к рельефной пластической выразительности, а к чистоте и ясности общих очертаний, рисующихся на фоне стены.

Тонкий вкус строителей чувствуется в монументальности общего облика постройки, в смелом контрасте массивного главного шатра и легкой, просвечивающей своими сквозными пролетами звонницы, в разнообразии фасадов. Очень красиво здание с запада. Отсюда можно любоваться плавными линиями широкого крыльца, пологими скатами кровли, резными досками причелин и полотенец, ярусами звонничных карнизов, где от фигурных концов кровельных досок образуются в солнечную погоду узорчатые тени.

Чёлмужская церковь — одно из самых значительных архитектурных сооружений Обонежья. Эта на первый взгляд традиционная постройка оказывается сложным художественным организмом; монументальность общих форм сочетается с многообразием декоративных деталей, придающих суровому зданию неожиданную нарядность и увлекательную затейливость.

6. Пудожский край

Пудож — обычный северный городок с небольшими деревянными домами, палисадниками и дощатыми мостками тротуаров вдоль тихих улиц. В его облике много деревенского. Раньше он и был просто большим селом — центром Пудожского Никольского погоста. Это одно из самых древних северных селений: погост возник не позднее XV века. Городом Пудож стал называться лишь в 1785 году, когда по екатерининскому указу был образован Пудожский уезд.

Приехать в Пудож можно от Чёлмуж на автобусе или прямо от Петрозаводска — на пароходе, пересекающем Онежское озеро и поднимающемся вверх по реке Водле. Главное богатство этих мест — лес, и старинные села перемежаются здесь с современными поселками лесорубов. Характерные краски здешнего пейзажа — насыщенно-темная зелень леса и береговых трав, черные лесные озера и зеленоватая стеклянная поверхность плавных рек. Край этот выделяется среди других районов Прионежья, открывает новую, особенную грань северной культуры.

Отправившись в глубину Пудожского района, на восток, к Колóдозеру, Сálмозеру, Усть-Колоде, можно увидеть сохранившуюся здесь старинную группировку деревень. Они располагаются как бы гнездами, раскинувшись вокруг главного большого села. Такие села раньше были их центрами, там стояла церковь, и они до сих пор именуются у местных жителей погостами. Каждая группа деревень носит общее древнее название,

Деревня Водла

например Салмозеро, а отдельные селения имеют и свои имена. Расстояния между гнездами большие, двадцать-тридцать километров, и группы деревень стоят словно островки среди густых пудожских лесов. Еще недавно почти на всем Севере деревни размещались по этой древней традиции. Миром легче было жить, а в обширных лесах вокруг каждого жилого островка сохранялись охотничьи угодья — важное подспорье в старину. Но теперь этот принцип нигде не сохранился в такой чистоте, как в глубинах Пудожского района.

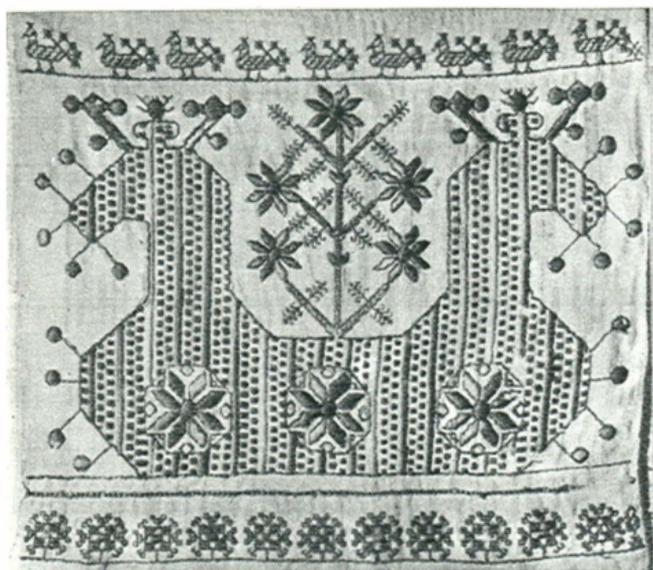
В здешних местах словно оживает далекая история первых русских сел на Севере, и это не случайно. В «новгородское» время Пудожский край процветал. Некоторые его деревни упоминаются уже в документах XII века. В 1447 году, как сообщает летопись, «Пудогу» разграбили войска Дмитрия Шемяки. Надо полагать, здесь было что грабить — край был богат и населен. По этим местам пролегал очень важный путь из

Новгорода на северо-восток, к рекам Онеге, Двине и дальше к Белому морю. Из Онежского озера поднимались по Водле, а потом шли волоком к маленькой речке Волошке, продвигаясь к Кенозеру. Кстати, нынешняя граница Пудожского района проходит как раз по грядам и холмам водораздела между бассейнами Онежского озера и реки Онеги и совпадает с древним рубежом между огромными северными областями — Обонежьем и лежащим «за волоками» Заволочьем.

После падения Новгорода старинный путь потерял значение. Открылись новые дороги, шедшие из Москвы через иные земли. Пудожский край затих. Мало коснулись его и события Петровской эпохи, и двух последних веков. По сравнению с этими местами даже тихое Заонежье показалось бы оживленным. Оттенок патриархальности в жизни края заметен и сейчас — в общем ощущении традиционности уклада деревенского быта, то и дело встречающихся старинных одеждах, в самом ритме характерного северного говора. По богатству фольклорного наследия Пудожский край может состязаться с Заонежьем. Некоторые былины, записанные здесь, восходят к чрезвычайно отдаленным временам. Например, былина «О Рахте Рагнозерском», как предполагают, отражает предания той нерусской «чуди», которая жила в этих местах еще до прихода новгородцев.

Приметы своеобразия, чисто местной специфики несут на себе многие виды крестьянского творчества Пудожского края. Среди них — искусство вышивки. Еще и сейчас образцы ее можно увидеть во многих деревнях. На концах полотенец, подзорах простыней ярко-алыми нитями вышиты крупные, массивные узоры. Очертания человеческих фигур, птиц и фантастических зверей густо заполнены геометрическим орнаментом. Здесь редко встретятся тонкие легкие контуры; излюбленный шов — «набором», широкий и монументальный. Иногда, кроме красной нити, вводятся и другие цвета — лиловый, желтый, зеленый, и это до предела усиливает декоративность вещи. Местные вышивки резко отличаются от ажурного легкого шитья Заонежского полуострова и по своей сочности, броскости, красочности могут сравниться лишь с изделиями соседнего Каргопольского края.

Когда-то славилось и местное зодчество. К сожалению, уже в нашем веке погибло несколько замечательных памятников: шатровые деревянные церкви

Пудожская вышивка. Шов «набором» и двусторонний. XIX в. Частное собрание

в Колодозере (1784 г.), Песчаном (1650 г.), Суме (1599 г.), искажено невежественной перестройкой шатровое здание в Рослякове. Исчезли как раз те самые погостские церкви, которые высились в центре групп деревень, художественно объединяли их разбросанные избы в целостный архитектурный ансамбль и, наверное, издали виделись за лесами, возвещая путникам близость села.

В глубине района сохранилось много старинных часовен. Они на редкость миниатюрны. Рядом с ними даже скромные постройки Заонежья покажутся внушительными. Почти все здешние часовни — клетские; они часто состоят из единственного сруба под двускатной кровлей и очень напоминают деревенские амбарчики. Вероятно, они не очень древние. Их можно отнести приблизительно к XVIII—XIX векам. Но даже эти элементарно простые и сравнительно недавние постройки несут в себе все качества подлинного искус-

ства. Поверхность их бревенчатых стен оживлена игрой солнечных пятен и мягких теней, сильные выступы кровель и навесы над входом придают фасадам разнообразие.

Старые ели, мшистые камни, ограды деревенских околиц образуют неотъемлемый фон этих бесхитростных построек. Если вырвать их оттуда, то здания, наверное, потеряли бы немалую долю своего очарования. Место для каждого сооружения выбрано строителями словно по точному художественному расчету. Именно окружение помогает выявить индивидуальность зданий. Они то кажутся особенно уютными и миниатюрными, подобно салмозерской часовне, полускрытой огромной елью, то выглядят неожиданно монументальными, как постройка в Пял-озере, рисующаяся смелым острым силуэтом на фоне неба.

Скромным миром деревенского строительства, зодчеством «малых форм» не исчерпываются архитектурные богатства Пудожского края. На Водлозере — одном из самых больших озер Карелии — сохранился прекрасный ансамбль Ильинского погоста. Туда можно было добраться еще из раскольнического сузёмка, через деревни Кодозера и Пильмас-озеро. Можно и от Салмозера, пройдя лесной дорогой к реке Водле и поднявшись по ней. Правда, Водла в верховьях имеет много порогов — падунов, а береговые тропы почти заросли. Лучше всего попасть на Водлозеро из Пудожа по старинному почтовому тракту или, избегая здешних плохих, а в дождливое время совсем непроезжих дорог, гидросамолетом прямо из Петрозаводска. Почтовый тракт доходит до села Кюга-Наволок, стоящего на берегу Водлозера, там же на воду садится и самолет, а рыбацкий катер ходит к селу Кánза-Наволок, расположенному на острове. Здесь, на остром мысу, стоит древний Ильинский погост. Среди плоских островов, поросших редким лесом, мыс издали выделяется своей плотной темной зеленью. Это старые, почти черные ели. На Севере они часто растут вокруг старинных церквей и часовен; очевидно, их бережно сохраняли, словно священные деревья. Их характерный зубчатый силуэт создает около северных сел своего рода ориентир, примету древности, заставляя издали угадать старинную постройку.

Водлозеро — край давно населенный, а сам Ильинский погост известен уже в XVI веке. Но существующая церковь построена лишь в 1798 году. Она очень

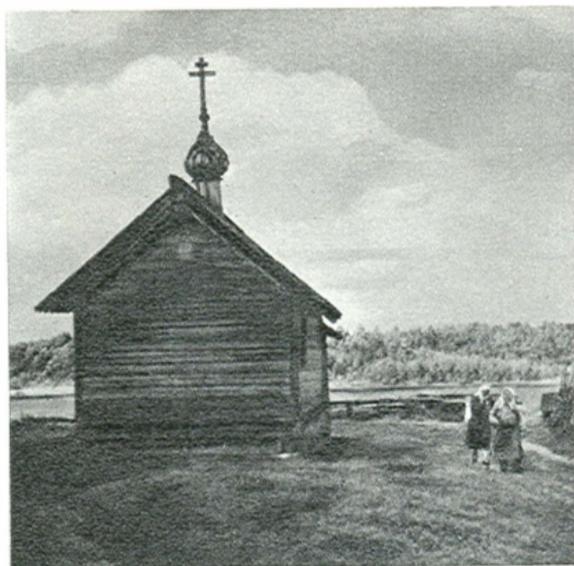

*Часовня в Салмозере.
XIX в.*

отличается от других построек Прионежья, и прежде всего — своим необычным завершением. Вместо привычного шатра или двускатной кровли мы видим сложно изогнутое так называемое кубоватое покрытие, немного напоминающее широкий купол. Хотя эти покрытия были известны в очень старом деревянном зодчестве, все же при взгляде на Ильинский погост не покидает мысль о том, что по общим очертаниям он несколько напоминает каменные постройки. Вспоминаются пятиглавые храмы с легкими куполками, каких немало возводилось в то время на Руси.

Любопытно, что, испрашивая в 1797 году разрешение на строительство церкви, прихожане и местный причт сообщали, что будущее здание они собираются возвести шатровым. Но, очевидно, этот замысел не осуществился.

В Ильинской церкви обнаруживаются совсем иные эстетические принципы, чем в более ранних деревян-

*Часовня в Пялозере.
XIX в.*

ных сооружениях. Несмотря на значительные размеры, здание потеряло былую монументальность и ту строгость, цельность, торжественность силуэта, которые так привлекают в шатровых постройках. Есть нечто утонченное, подчеркнуто декоративное в округлости «куба», в резком контрасте массивных глухих стен с легким верхом, в хрупкости тоненьких главок, особенно угловых.

Церковь Ильинского погоста дошла до нашего времени в сильно искаженном виде. Здание обшито тесом, скрывшим мощные бревенчатые срубы, сделаны новые широкие окна, уничтожены всходы крылец, чешуйчатый лемех куполов заменен грубой жостью. На колокольне, которая стоит около церкви, исчез шатер. Переделаны и внутренние помещения, в том числе иконостас. Здание ждет реставрации. Только потом можно будет по достоинству оценить этот своеобразный памятник поздней поры северного деревянного зодчества.

Ограда погоста и Ильинская церковь. 1798 г.

Редкая особенность Ильинского погоста — бревенчатая ограда вокруг церкви. Рубленая стена укреплена изнутри треугольными рядами — бревенчатыми срубами и крыта двускатной кровлей. Высота стены невелика, но внушительные ворота и мощные свесы кровли придают сооружению сходство со старинной крепостью. Почти все северные монастыри и погосты были раньше окружены такими оградами. Теперь их осталось очень мало. Встречаются они здесь, в глубине Пудожского края, и в прилегающих районах Архангельской области (например, в деревне Почезеро). Именно эти памятники помогли при недавних реставрационных работах воссоздать исчезнувшую ограду Кижского погоста.

Интересная деталь ограды — проемы, сделанные в срубах по сторонам ворот. В ограде были устроены лавки, где крестьяне и купцы торговали по праздникам в ярмарочные дни.

*Ильинский погост на
Водлозере*

Ильинский погост — один из самых поэтичных памятников Карелии. При всем своеобразии его архитектуры, в нем заметно легко уловимое сходство с Кижами; в том, как поставлен торжественный ансамбль на островке среди озерной глади, в общем ощущении широты, простора. Только на Водлозере есть что-то немного грустное. Здесь пустынное, тише, и вырисовывающиеся издали на фоне неба изящные главки церкви производят особенно сильное впечатление своей неожиданной в этой глуши изысканностью.

Существует предание, что Ильинский погост вырос на месте древнего языческого святилища, где совершали жертвоприношения местные нерусские племена, жившие здесь еще до прихода новгородцев. Сам необычный облик этого уединенного места вызывает представление о священной древности. Есть легенда и о языческом капище в Кижях. Такая «преимственность» очень показательна для Севера, а особенно для

Карелии. Дохристианские обычаи и обряды переплетались здесь в старину с церковными; в крестьянском творчестве долго жили образы, рожденные фантазией еще языческих времен. Может быть, и яркость, красочность северного искусства во многом объясняется устойчивостью очень древних народных традиций.

Есть в Карелии и такие памятники, которые сохранились от времен бесконечно далеких, первобытных, по сравнению с которыми эпоха Древней Руси покажется совсем недавней. Это и открытый советскими археологами знаменитый могильник на Оленьем острове Онежского озера, и следы множества поселений древних людей. Самый яркий из этих памятников — прославленный мыс Бесов Нос. Он имеет непосредственное отношение не только к истории, но и к художественной культуре: там сохранились наскальные рисунки эпохи неолита — каменного века. Они датируются II тысячелетием до нашей эры.

Бесов Нос расположен на восточном берегу Онежского озера, южнее устья Водлы. Туда можно попасть рыбацким катером из Шалы или автобусом из Пудожа до деревни Каршево, а затем пройти около пятнадцати километров к берегам озера. На обнаженных скалах нескольких острых гранитных мысов находятся изображения, высеченные каким-то каменным орудием. Здесь — и огромная (2,5 м), примитивно переданная, как бы распластанная человеческая фигура («бес»), и сцены охоты, и лодки с гребцами, и ритуальные пляски, и просто изображения рыб, лебедей, оленей, морских зверей. Еще не совсем понятен ученым смысл этих наскальных рельефов, но ясно, что они связаны с повседневной жизнью и магическими поверьями древних людей. Пустынный берег, суровые скалы, шум леса и плеск озерных волн создают достойное обрамление для этих замечательных памятников первобытного искусства.

К югу от Бесова Носа находится бывший Муромский монастырь. Он расположен тоже на мысу, вдающемся в Онежское озеро. Из Бесова Носа туда нужно плыть рыбацким катером вдоль берега. Можно отправиться и прямо из Пудожа — автобусом до деревни Гакугса, а оттуда лодкой по реке — к озеру Муромскому. Небольшая речка Муромка — проток, соединяющий его с Онежским озером, почти отсекает мыс от материка, оставляя лишь узкий перешеек. Отсюда и старое название мыса — Муромский остров. Места тут болоти-

стые, реки текут в низких зыбких берегах, и только монастырский мыс — сухой и сравнительно высокий. После душных болот, густого мелколесья особенно приятны озерный простор, свежий ветер. Здесь золотистые песчаные дюны, серые скалы, высокие ели и сосны. Древнерусские монастыри всегда располагались на очень живописных местах, и стоит посетить любой из них, пусть даже и не сохранивший первоначальной архитектуры, чтобы полюбоваться открывающимся видом. Монастыри в старину, как правило, служили и крепостями на случай вражеского нападения, и, быть может, потому они обычно возводились на местах, господствующих над окружающим пространством. Но вряд ли можно сомневаться, что их строители руководствовались не только практическими, но и чисто эстетическими соображениями. Не напрасно в житиях основателей монастырей часто подчеркивается, что избранное место было «красно», то есть красиво.

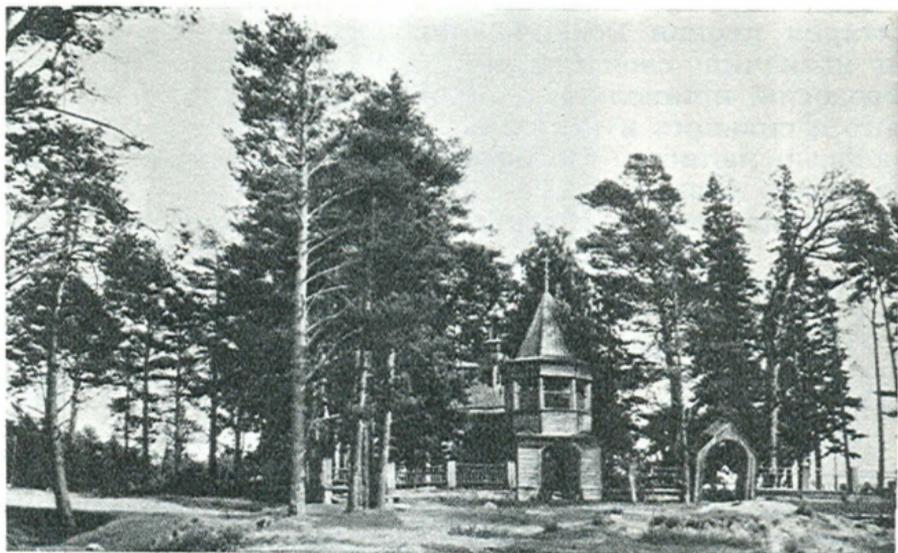
Муромский монастырь возник на месте заброшенного первобытного поселения эпохи неолита, III—II тысячелетия до нашей эры, еще более раннего, чем рисунки Бесова Носа. Речка Муромка подмывает песчаный берег и иногда обнажает осколки сосудов из грубой серой глины, лепленных от руки и испещренных узором из глубоких ямок и бороздок. Мы снова, как в Ильинском погосте, сталкиваемся со связью времен, древнейшее соприкасается с древним.

Основан Муромский монастырь в XIV или в начале XV века. Он один из самых старых в Обонежье и может в этом смысле сравниться лишь с Палеостровским. Больше всего монастырь прославился крошечной Лазаревской церковью, которую сейчас перевезли в Кижский заповедник. Она стояла на кладбище. За руинами каменных храмов, чуть в стороне, и сейчас видна группа огромных старых деревьев. Это кладбищенская роща, существовавшая еще в XVII веке. Московские дьяки, приезжая составлять описания Обонежья, всякий раз специально отмечали и церковку, и рощу. Очевидно, и то и другое считалось местной достопримечательностью. В XIX веке над Лазаревской церковью было построено деревянное здание охватившее ее, как футляр. Внутри футляра после переезда церкви осталось несколько довольно поздних икон и фрагментов золоченой резьбы от иконостасов, снесенных сюда из окрестных церквей. Сохранились и следы могилы, где, по преданию, был погребен основатель монастыря.

Старое кладбище производит мрачное впечатление темной массой своих деревьев и остатками древних могил. Кладбищенская ограда, сравнительно недавняя (1867 г.), является как бы последней страницей в истории северных монастырских оград. Ворота с шатровой звонницей, пусть и суховато геометричные по очертаниям, красиво выглядят на фоне вековых деревьев, заставляя своим старинным островерхим силуэтом издать угадать древность места. Кроме кладбищенских построек, сейчас от Муромского монастыря остались лишь полуразрушенные, неинтересные в художественном отношении каменные церкви, сооруженные в конце прошлого столетия вместо более ранних зданий.

Муромский монастырь вошел в историю русской культуры, и не только благодаря Лазаревской церкви. С ним связаны незаурядные произведения древней письменности и живописи. Интересна уже сама легенда о его создании. Она рассказана в «Повести о Муромском острове» — литературном произведении, дошедшем до нас всего в нескольких экземплярах, переписанных от руки. Там говорится об основателе монастыря иноке Лазаре, «родом из славного града Рима». Он жил в XIV веке и дважды ездил в Новгород по поручению константинопольского патриарха. Во вторую поездку ему было поручено осмотреть и составить для патриарха описание прославленных новгородских достопримечательностей: Софийского собора, городских церквей и монастырей. На этот раз Лазарь уже не вернулся в Константинополь, а остался в Новгороде при дворе архиепископа Василия. После смерти Василия Лазарь отправился в дальнейшее путешествие «на северную сторону близ океана-моря» на озеро Онего, чтобы основать там монастырь.

Так «римлянин» Лазарь очутился в холодном северном крае. Путь из Новгорода был нелегок, особенно плавание через бурное Онего: Лазарь едва не утонул. На Муромском острове он водрузил деревянный крест, построил «малую хижу» — жилище и часовню. Но ему не сразу удалось обрести покой. Близ этого места жили некие «лопяне и чудь, страшивые сыроядцы». Видимо, речь идет о каких-то нерусских народностях, первоначальных обитателях края. Они были язычниками и выступали против нового монастыря, опасаясь за свои земли. Как рассказывает «Повесть», не раз они напали на Лазаря, поджигали его келью и пытались убить. Борьба была жестокой, но победа оказалась на

*Муромский монастырь.
Кладбищенская роща
и ограда. 1867 г.*

стороне Лазаря, которому помогли его вооруженные отроки — слуги. Язычники ушли на север, «в пределы океана-моря».

К Лазарю начали стекаться иноки. Построив церковь во имя Воскрешения Лазаря, он отправился в Новгород. У архиепископа Моисея — преемника Василия — он получил благословение, «священные сосуды» и «милостыню» — пожертвование. Один из новгородских бояр вручил Лазарю дарственную грамоту на монастырские земли — «на Онеге озере остров Мучь (Муромский) со всею землею, и озеро Муромское, и около озера, речки и островки, и в сих воды, и ловища, и перевесища (места для ловли птиц)... и сенные покосы».

Монастырь стал разрастаться, появились кельи, ограда, новые церкви. Монахи приходили сюда из самых отдаленных мест, даже из Киева и со «Святой горы» Афона (из Греции). Лазарь скончался здесь

в 1391 году, прожив сто пять лет, и был погребен за алтарем церкви Воскрешения Лазаря. Перед смертью он назначил своим преемником — игуменом некоего Феодосия, пришельца с Афона, человека добродетельного и сильного в «книжной мудрости». Этот Феодосий якобы и написал «Повесть», изложив все, что слышал от самого Лазаря.

Многие ученые предполагают, что «Повесть» сочинил не Феодосий, а какой-то неизвестный автор в XVII веке. Действительно, в ней есть путаница в именах и датах. К тому же в исторических документах до XVII века ни разу не упоминается имя Лазаря, а говорится только о церкви Воскрешения Лазаря, названной так в честь евангельского чуда.

В XVII веке могла возникнуть надобность в этой легенде. Дело в том, что в 1612 году Муромский монастырь был razорен польско-литовскими интервентами и совсем захирел. А в середине столетия он начал воз-

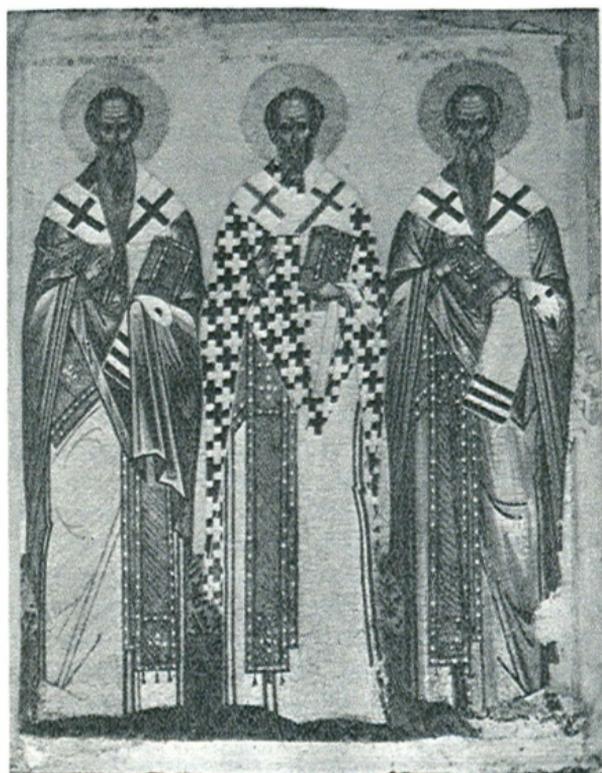
*Иаков, Никола и Игнатий.
Икона из Муромского монастыря. Кон. XV в. Гос.
Русский музей*

рождаться и обстраиваться новыми храмами. Тогда-то, может быть, и потребовалось возвеличить и прославить обедневший монастырь.

Когда бы ни была написана «Повесть о Муромском острове», она остается замечательным литературным произведением. Автор собрал старинные предания и местные легенды и сумел рассказать историю монастыря живо и занимательно.

Сейчас, когда рассматриваешь остатки строений монастыря, кажется странным, что этот ныне безлюдный и заброшенный уголок когда-то волновал людей, увлекал их своей историей, побуждал описывать достопримечательности. Более того, дальний, глухой и труднодоступный Муромский остров сложными нитями легенды связывался не только с Новгородом, но и с самыми прославленными святынями византийского и русского средневековья — Константинополем, Афоном, Киевом.

Муромский монастырь не был особенно крупным хозяйственным и культурным центром. Ему было далеко до таких гигантов, как, например, Кириллов на Белоозере или Соловецкий на Белом море. Но даже такой относительно небольшой монастырек, как Муромский, обладал значительными художественными ценностями. Старинные описания позволяют судить о монастырских зданиях. В 1628—1629 годах там была Успенская церковь «древяна клетки, верх шатровый», другая, теплая церковь Рождества Иоанна Предтечи, уже не шатровая, а просто «древяна клетки», и рядом с ними — «колокольница рубленая, верх шатровый». Эти постройки составляли характерный для северного зодчества живописный ансамбль. Парадные здания господствовали над маленькими скромными постройками — монашескими кельями, «гостиной» избой для приезжающих, хозяйственными сооружениями (названы «два двора, конюшенной да коровий»).

Тщательный перечень писцовой книги дает возможность представить и имущество церквей. Их внутренние помещения были украшены почти полусотней икон. Там хранилось тридцать девять книг, образовавших, по тем временам, целую библиотеку. Все книги были «письменные», то есть рукописные. Переплеты некоторых книг были украшены медными окладами с рельефными изображениями. На звоннице висели шесть колоколов, причем на одном из них была надпись, сообщающая, что он отлит специально для Муромского монастыря в 1508 году. В перечислении деревянных храмов, «письменных» книг, холщовых тканей угадывается мир северной деревни, узнается нечто родственное ансамблям сельских погостов.

Имущество монастыря исчезло вместе с древними постройками еще в прошлом веке. Оставалось лишь несколько икон, вывезенных сейчас в музей. Лучшая из них — «Иаков, Никола и Игнатий Богоносец» конца XV века. В древности она находилась в местном ряду иконостаса Успенской церкви. Судя по ритмичной композиции, изящным фигурам святых, светлым краскам, тонкой изысканности письма, ее можно отнести к малоизвестному направлению в новгородском искусстве. Вероятно, икона написана в одной из первоклассных мастерских Новгорода. Недаром «Повесть о Муромском острове» подчеркивает связь монастыря с новгородским архиепископским домом. Могли написать ее и в новгородском Юрьевом монастыре, который имел большие угодья в этом крае и, кажется, изготовлял иконы для своих северных владений. Случайно уцелевшая икона Муромского монастыря дает представление о тех произведениях живописи, которые попадали в древности на Север и становились элементами местных художественных ансамблей.

Когда оказываешься на Муромском острове, невольно задумываешься еще об одном, часто упускаемом из виду оттенке своеобразной духовной жизни средневековья. Иноков влекли на Север не одни лишь хозяйственные побуждения. Уходя в леса, на берега глухих рек и озер, они стремились к осуществлению своих нравственных, этических идеалов, искали уединения, отрешения от мирской суеты. Их привлекало аскетическое подвижничество, простота и суровость быта. Здесь, в Муромском, у одиноких старых зданий, среди пустынной природы яснее становится сложный мир чувств, некогда связанных с этим краем.

7. От Вытегры к Петрозаводску

Южный берег Онежского озера — оживленный край. Здесь находится исток Свири и устье Вытегры — больших и полноводных рек. По ним проходят важные водные магистрали, на их берегах расположены большие пристани. Особое значение получил этот район сейчас, в связи с постройкой сооружений Волго-Балтийской водной системы. Самым крупным населенным пунктом края является город Вытегра — районный центр Вологодской области. Он вырос из древнего села и был назван городом в 1773 году.

В старину по Свири, Вытегре и южной части Онежского озера тоже проходили значительные водные пути. По Свири из Новгорода плыли в северные земли, а по Вытегре отправлялись на Белоозеро и дальше в Вологодский край. По берегам этих рек выросло много «рядков» — торговых пунктов, подобных Повенцу. Уже в XVI веке села на Вытегре и Свири были столь многолюдны, что английским купцам, побывавшим здесь, чтобы наладить торговлю с Русью, они показались «маленькими городками».

К сожалению, в этом крае осталось сравнительно немного старых памятников. Один из них погиб совсем недавно. Это знаменитая Покровская церковь 1708 года, принадлежавшая к числу самых значительных и монументальных сооружений Обонежья. Она сторела в 1962 году по небрежности местных органов охраны памятников. Церковь стояла в селе Анхимово, находящемся в семи километрах к югу от города Вытегры.

Когда-то там был центр большого округа — Вытегорского Покровского погоста.

Покровская церковь была на редкость похожа на кижскую Преображенскую, хотя и выстроена на несколько лет раньше. Как и кижская, она была ярусной, с двухступчатыми прирубами, и имела стремительную пирамидальную композицию. Выглядела вытегорская церковь немного проще кижской. Общие пропорции были более тяжелы и приземисты, а основная часть здания завершалась не двадцатью одной, а семнадцатью главами: отсутствовал ярус маленьких главок под центральной главой. Отличалась она и очертаниями главок — более хрупких, поставленных на тонкие и высокие барабаны. Очевидно, при строительстве этого здания вырабатывались и оттачивались те архитектурные приемы, которые получили самое полное и совершенное воплощение в Преображенской церкви Кижей.

Покровская церковь в Анхимове. 1708 г. Фото 1958 г.

В художественном образе этих сооружений, величественных и торжественных, в определенной степени отразился дух бурной и героической Петровской эпохи, когда и были выстроены оба здания. Не случайно местное предание непосредственно связывало постройку вытегорской церкви с именем Петра. Рассказывали, что он при посещении погоста нарисовал будущее здание, и церковь была выстроена по этому его проекту.

Можно предполагать, что вытегорская и кижская церкви — произведения особой архитектурной школы, существовавшей когда-то в Обонежье наряду с другими художественными направлениями. Мы знаем ее лишь по этим двум постройкам. Не исключено, что в старину их было и больше. Некоторые здания конца XVIII века, например в Шуе и Оште, были немного похожи на обе эти церкви своими ярусными многоглавыми завершениями. Но они не столь грандиозны и пышны. в их очертаниях появилась жесткость и

Интерьер Покровской церкви. Фото 1958 г.

угловатость, да и выстроены они были мастерами гораздо меньшего таланта. Это как бы угасающие отголоски замечательного архитектурного течения.

Гибель вытегорской церкви — большая потеря не только для истории северного деревянного зодчества, но и для истории живописи и декоративного искусства. Здание почти полностью сохраняло первоначальное внутреннее убранство и древний иконостас, стоявший на изящных расписных полочках-тяблах.

Из Вытегры шоссе идет на запад, параллельно берегу Онежского озера и обводному каналу. Оно проходит мимо старинных погостов Мегры и Ошты и поворачивает к селу Вознесенью — пристани в устье Свири. Там в XVII веке был маленький монастырь — «Вознесенская пустынь».

Неподалеку от Вознесенья, близ берега Онежского озера — село Щелейки. Там сохранилась Дмитриевская церковь, выстроенная в 1783 году. К основной части

*Дмитриевская церковь
в Щелейках. 1783 г.*

здания с запада примыкают трапезная и крытый переход, соединяющий церковь с шатровой колокольней. Сама церковь имеет интересное завершение — небольшой восьмимерик и четыре «бочки». Здание увенчано пятью главками.

В нескольких километрах к северу, в селе Гимрека находится еще один значительный архитектурный памятник — шатровая Богородицкая церковь, выстроенная, как считают на основании сохранившихся документов, в 1695 году. Шатер Богородицкой церкви поставлен на восьмимерик, имеющий сильное расширение — повал и украшенный пояском из треугольных фронтонок. По основным чертам здание это очень похоже на уже виденные нами церкви в Кондопоге и Лычном Острове. Сходство всех трех сооружений позволяет предположить, что в XVII—XVIII веках в зодчестве Обонежья сложилось еще одно архитектурное направление — небольшая школа, развивавшаяся

*Богородицкая церковь
в Гимреке. 1695 г.*

наряду с другими течениями. Такие постройки встречаются только на западном берегу Онежского озера. Очевидно, эта школа существовала именно в деревнях западного побережья. Гиморецкая церковь выделяется среди других памятников этого типа некоторыми индивидуальными чертами. И само здание, и восьмерик довольно приземистые, а шатер необычайно высокий и стройный.

Внутреннее убранство этой церкви дошло до нас в очень плохом состоянии. Некоторые иконы из ее иконостаса, относящиеся к концу XVII века, перевезены недавно в Русский музей.

В селах Горное Шелтозеро и Деревянное, к северу от Гимреки, по дороге к Петрозаводску, когда-то находились еще два сооружения такого же типа, как и Богородицкая церковь. Особенно стройной была Ильинская церковь 1685 года в Горном Шелтозере, выделявшаяся своим высоким шатром и очень красивым

крыльцом. Оно имело две симметричных лестницы — «всхода», а верхняя площадка была укреплена на резном столбе.

Шелтозеро и близлежащие деревни — район особый. Здесь живут вепсы — народность, родственная карелам. Предками современных вепсов была, очевидно, весь — народ, не раз упоминающийся в русских летописях и старинных преданиях. Когда-то весь населяла большую территорию. Сейчас же вепские деревни есть только здесь, в Прионежье, да еще в нескольких отдаленных друг от друга участках Севера (например, на реке Ояти в Ленинградской области). У вепсов сохранились свои песни и предания, свой язык. Их культура, быт, деревенские постройки, крестьянское декоративное искусство имеют немало своеобразных черт, но изучены еще недостаточно.

* * *

От Шелтозера недалек и Петрозаводск, откуда началось и где заканчивается наше путешествие. Онежская земля, на первый взгляд столь небольшая, оказалась очень значительной в художественном отношении. Обонежье — край поэтический, пробуждающий множество исторических воспоминаний, наполненный атмосферой большой и древней культуры. Ни один рассказ о нем, пусть даже красноречивый, не заменит живых впечатлений очевидца. Автор сочтет свою задачу выполненной, если эта книга поможет читателю в непосредственном знакомстве с художественными памятниками онежских берегов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1947.
- Ащепков Е. Русское деревянное зодчество. М., 1950.
- Базанов В. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947.
- Бартнев И., Федоров Б. Архитектурные памятники русского Севера. Л. — М., 1968.
- Борисов П. А. Карельский декоративный камень. Петрозаводск, 1949.
- Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. Изд. МГУ, 1962.
- Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
- Гнедовский Б. История Круглой площади. К 250-летию Петрозаводска. «На рубеже», Петрозаводск, 1952, № 12, стр. 61—67.
- Громов В. И., Файнштейн Л. А. Памятные места Ленинградской области. Л., 1959.
- Даль Л. В. Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии. «Зодчий», 1877, № 11.
- Доманский Я. В., Столяр А. Д. По бесовым следам. Л., 1962.
- Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- История русского искусства, т. 1. Под ред. И. Грабаря. М., 1909, стр. 1—6, 331—508.
- История русского искусства. Под ред. И. Грабаря, В. Кеменова, В. Лазарева. Разделы о деревянном зодчестве (статьи Н. Н. Воронина, М. А. Ильина, П. Н. Максимова), т. 3. М., 1955, стр. 245—281; т. 4. М., 1959, стр. 91—120; т. 5. М., 1960, стр. 272—284.
- История русской архитектуры. Краткий курс. Гл. ред. С. В. Безсонов. М., 1951, стр. 62—66, 93—104.
- Киж. Фотоальбом. Вступ. ст. Э. С. Смирновой. Л. — М., 1965.
- Крестьянское искусство СССР, т. 1. Заонежье. Л., 1927.

- Лисаевич И. И., Дужников Ю. А. Киж. Ва-
лаам. Л., 1966.
- Маковецкий И. В. Архитектура русского народ-
ного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.
- Мулло И. М. Памятники и памятные места Каре-
лии. Петрозаводск, 1963.
- Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—
XVII вв. Петрозаводск, 1947.
- Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом
летом 1871 года, т. 1—3. М. — Л., 1949, 1938, 1940.
- Описание памятников русской архитектуры по губер-
ниям. Олонецкая губерния. Известия археологиче-
ской комиссии, вып. 52. Спб., 1914, стр. 128—172; вып.
57. Петроград, 1915, стр. 123—177.
- Ополовников А. В. Памятники деревянного зод-
чества Карело-Финской ССР. М., 1955.
- Орфинский В. Путь длиною в 6 столетий. Архитек-
турные новеллы. Петрозаводск, 1968.
- Островский Д. Выговская пустынь и ее значение
в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск,
1914.
- Очерки по истории Карелии, т. 1. Под ред. В. Н. Бер-
надского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. Петро-
заводск, 1957.
- Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории
и генезиса культуры. М. — Л., 1965.
- Реформатская М. А. Северные письма. М., 1968.
- Равдоникас В. И. Наскальные изображения
Онежского озера. Л., 1936.
- Смирнова Э. С. Живопись Онежья XIV—XVI ве-
ков. М., 1967.
- Филиппов Иван. История Выговской старооб-
рядческой пустыни. Спб., 1862.
- Ямщиков С. Живопись древней Карелии. Петроза-
водск, 1966.

Автор использовал неопубликованную работу Б. В. Гне-
довского об архитектурных памятниках Петрозаводс-
ка, а также материалы архива Ленинградского отде-
ления Института археологии (церковные метрики по
Северу 1887 года и картотеку П. П. Покрышкина)
и Центрального Государственного Архива Карельской
АССР (фонд Олонецкой духовной консистории и ма-
териалы А. В. Старогина).

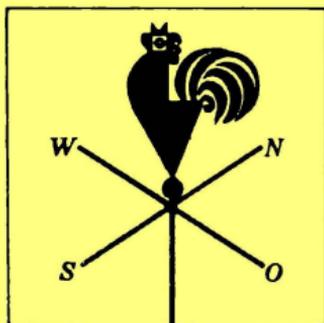
Энгелина Сергеевна Смирнова
ПО БЕРЕГАМ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Редактор М. В. Дмитренко. Художественный редактор Я. М. Окунь. Художник Ю. К. Курбатов. Технический редактор М. С. Стернина. Корректор А. Б. Решетова. Сдано в набор 20/XI 1968 г. Подп. к печ. 28/IV 1969 г. Формат 70 × 90^{1/2}. Бум. тифдр. Усл.-печ. л. 4,97. Уч.-изд. л. 5,36. Тираж 75000. М-40107. Изд. № 1460. Зак. тип. № 438. Издательство „Искусство“, Ленинград, Невский, 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Звенигородская, 11. Цена 40 коп.

50 коп.

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ